

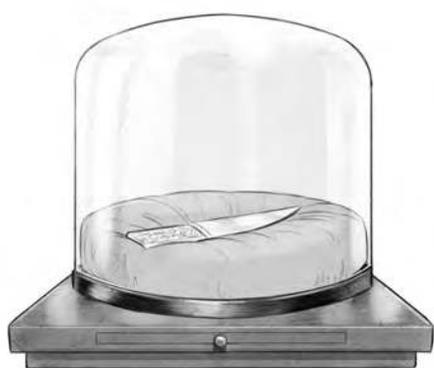
А. ГАТТИ • П. БАККАЛАРИО

от автора
серии
**КОТЫ-
ДЕТЕКТИВЫ**

КРАСНЫМ

Гангстерский
концерт

W BOOKS!

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Book on a Tree Limited;
Written by Pierdomenico Baccalario and Alessandro Gatti
Copyright © 2019 Book on a Tree Limited,
A story by Book on a Tree
www.bookonatree.com

АЛЕССАНДРО ГАТТИ
ПЬЕРДОМЕНИКО БАККАЛАРИО

КРАСНЫЙ

Гашетвенный
конверт

ИМОДЖЕН

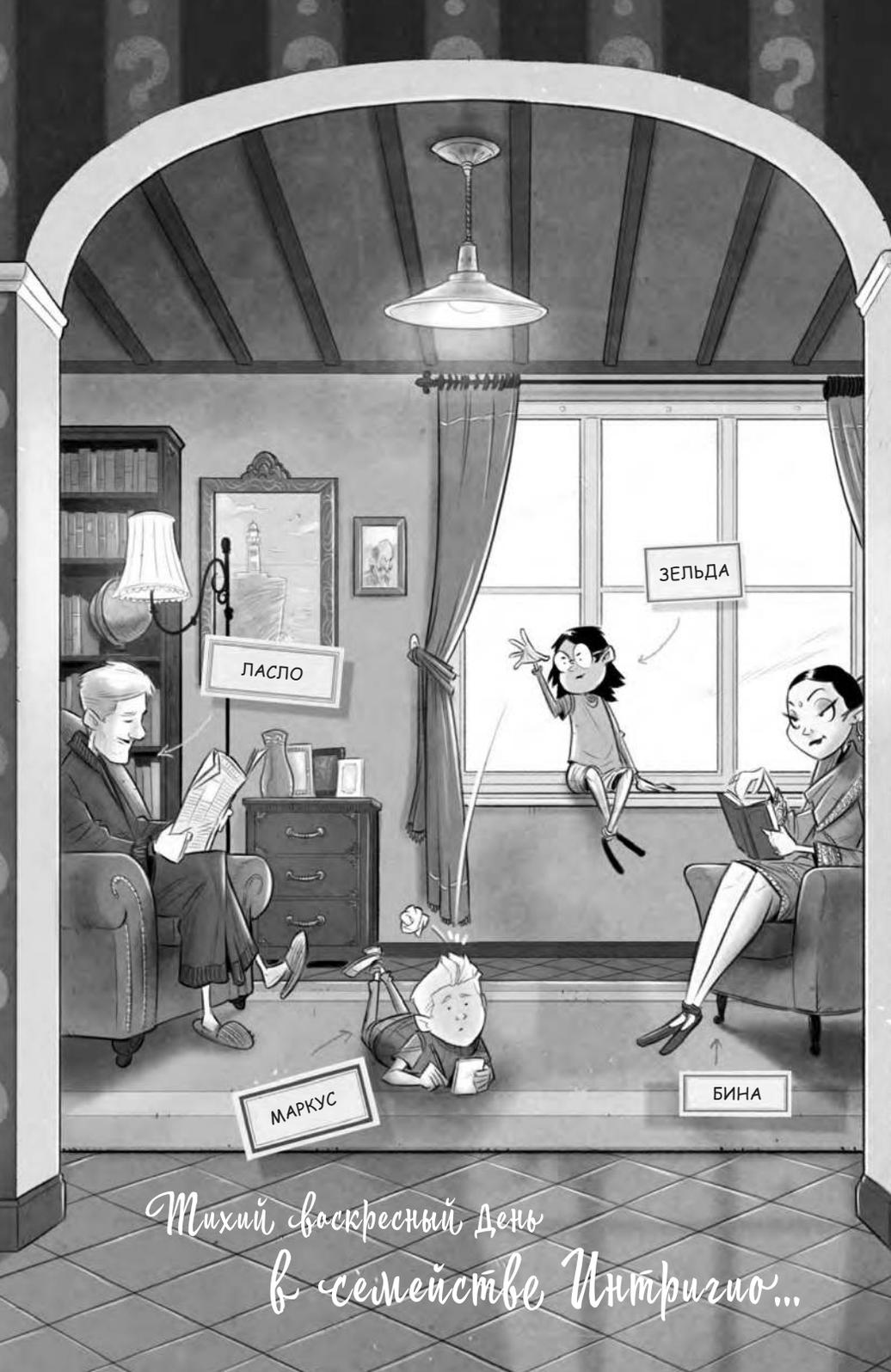
ТИБО

ОРВИЛЬ IV

ОРВИЛЬ IV

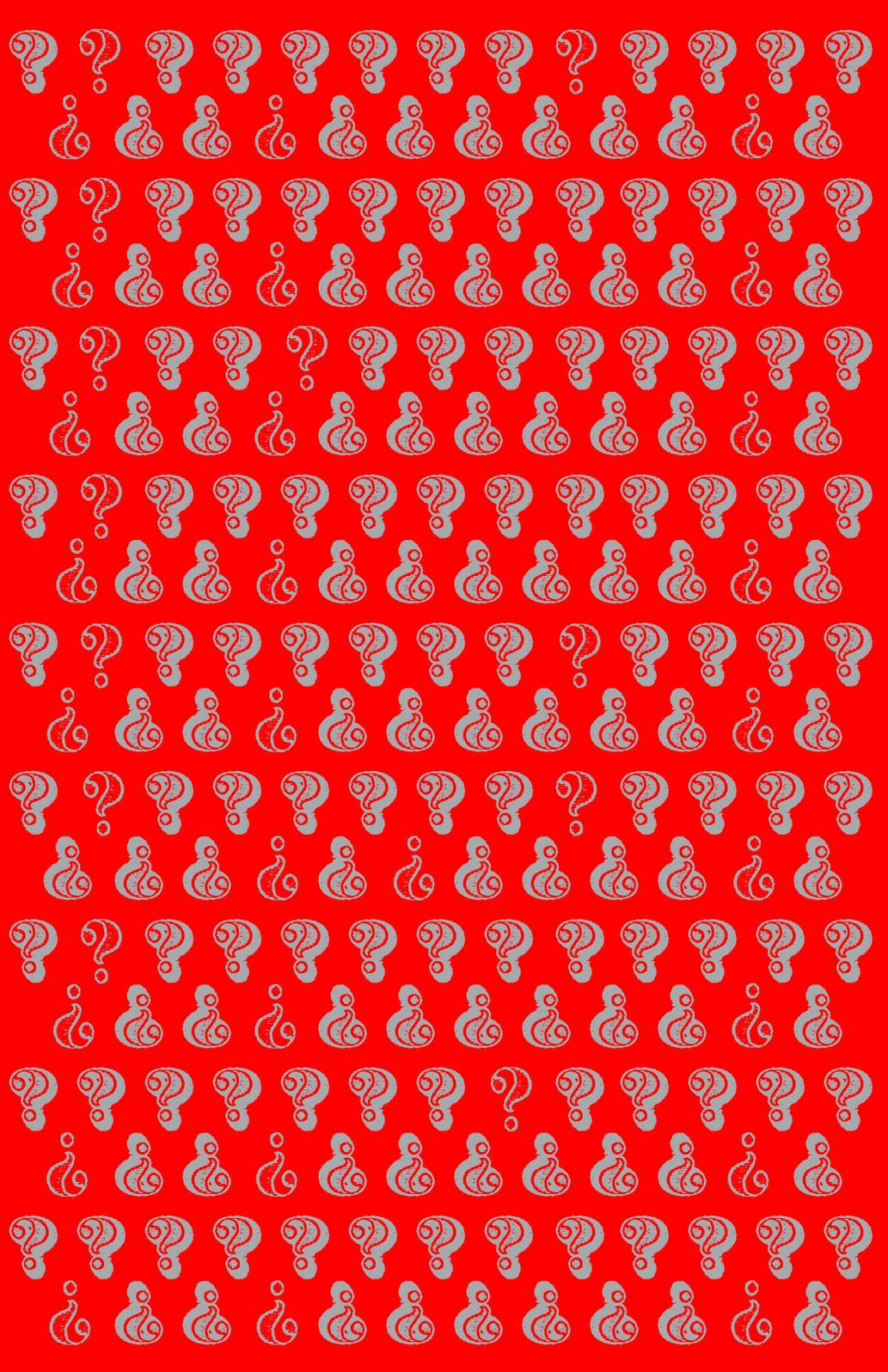
ЛАСЛО

ЗЕЛЬДА

БИНА

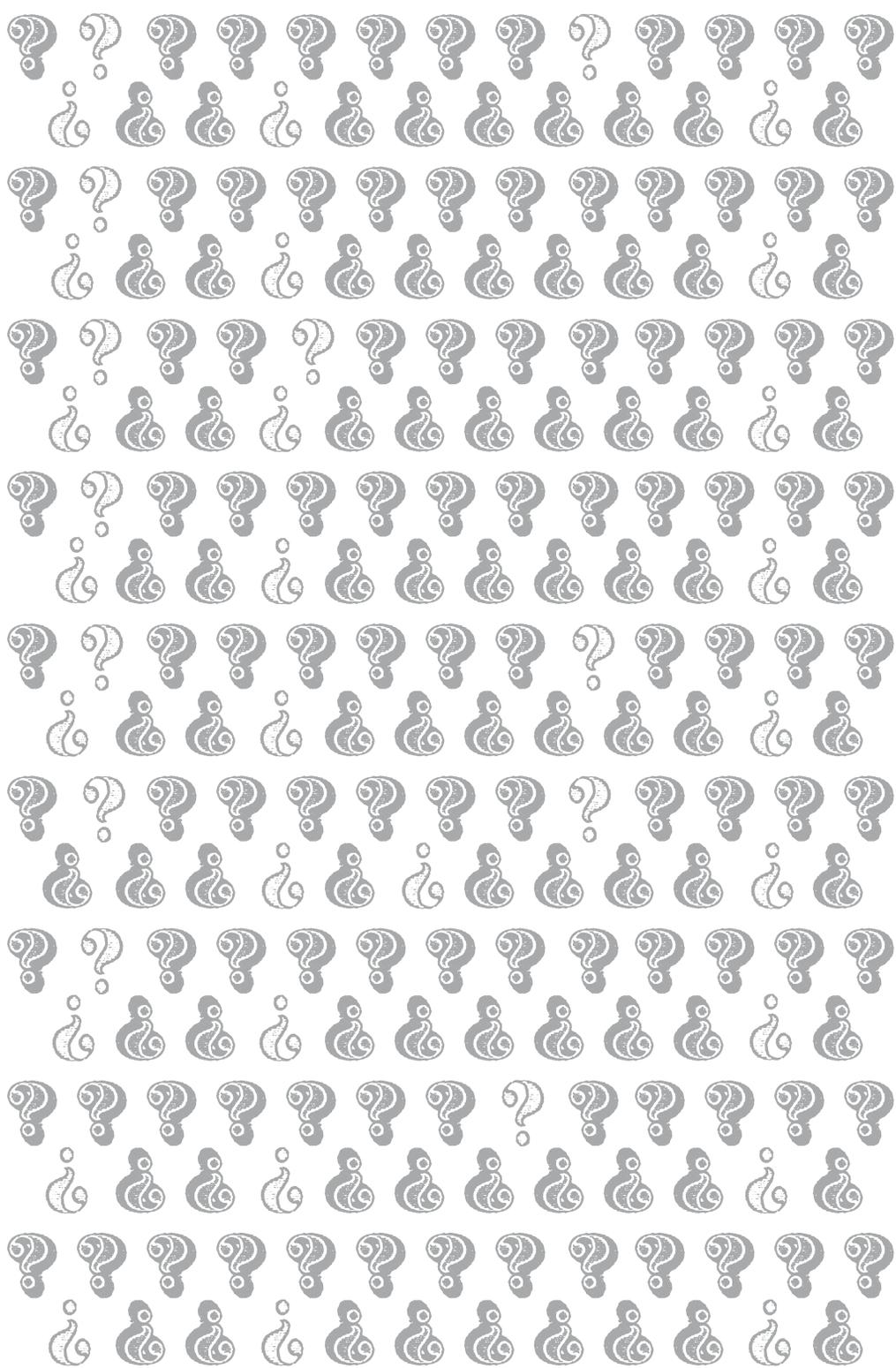
МАРКУС

Тихий воскресный День
в семье Интриго...

- Ну и ну! Да ведь эта комната совершенно пуста!
- Ничего подобного, друг мой... Я бы скорее сказал, что она полна исчезнувших людей!

*Улисс Интригио, «Как я раскрыл знаменитое дело
об аметистовом артишоке»*

1

Имбирь

*В*о полночи оставалось всего несколько минут, когда на деревянном мосту через реку Амстел показалась проворная фигура человека, который тихонько насвистывал себе под нос на ходу. На нём был лёгкий плащ, широкие тёмные брюки и начищенные до блеска ботинки. Насладившись знакомым поскрипыванием выцветшего дерева, он прошёл мимо причальных тумб для швартовки лодок и быстрым шагом направился к дому номер 121. Четыре ступеньки крыльца — и вот он уже стоит перед тёмно-зелёной дверью с двумя отверстиями для почты, непохожими друг на друга: одного из них почти не видно, другое же выкрашено в ярко-жёлтый цвет. Рядом с номером дома на табличке из потемневшей латуни не было ни имени, ни фамилии, ни звонка,

но у весёлого ночного посетителя были при себе ключи. Ведь это был Ласло Интригио, и в этом самом доме он жил со своей семьёй.

Ласло достал ключи из кармана, поднёс их к замочной скважине и в то же самое мгновение внезапно замолчал.

Можно было подумать, будто он разглядывает мыски собственных ботинок, но нет. На самом деле он изучал взглядом промежуток, отделявший его сверкающие туфли от входной двери. Это крохотное пространство занимал коврик, лежавший на красивом чёрно-белом мозаичном полу.

— Раз, два и... три! — с некоторым раздражением отсчитал Ласло Интригио, выравнивая коврик так, чтобы между ним и дверью оставалось ровно три ряда мозаичных камушков.

Видимо, кто-то сдвинул его, ведь когда Ласло выходил, коврик лежал на своём месте.

Кто-то его сдвинул, а Тибо, дворецкий, не успел поправить, отметил Ласло, оборачиваясь, чтобы мельком взглянуть на безмятежный полумрак, окутавший канал.

Затем господин Интригио взглянул на свои маленькие элегантные наручные часы, повернул ключ в замочной скважине и вошёл в свой дом, обнаружив, что и там всё тоже погрузилось в блаженную сумеречную

дрёму. Картины на светло-серой стене, полки с причудливыми предметами со всех частей света, альбомы по искусству, сложенные на сундуке, большое круглое зеркало с рамой из тёмного дерева, маленькая жертвенная статуя Будды, которую Бина ухватила в той безумной поездке в Тибет...

Казалось, всё на месте, но всё-таки было в воздухе и что-то непривычное, и у Ласло от этого сразу защи-пало в носу.

Имбирь, подумал он. Совсем как основная нота парфюма, который носит Оливер ван Слай III, закля-тый враг семьи Интригио. Своего рода ароматическая подпись, подолгу веявшая там, где он вершил свои злодеяния.

В этот миг долгие годы тренировок мгновенно пе-ревели сознание Ласло в режим повышенной готовно-сти. Он бросил взгляд на раздвижную дверь, за кото-рой обожал исчезать направлявшийся на кухню Тибо, и отодвинул её, но не заметил ничего примечательного; осмотр деревянной лестницы на верхние этажи тоже ничего не дал. А вот в коридоре, ведущем к кабинету Ласло, торшер был сдвинут на несколько сантиметров. И висящий в глубине библиотеки портрет тёти Эдны, неоспоримой главы семьи, тоже оказался чуточку сме-щён, как будто кто-то заглядывал под него в поисках

сейфа. Ласло подошёл к картине на цыпочках, вернул её в привычное положение и несколько раз надавил на некоторые из позолоченных извилин рамы. Казалось, что он набирает какой-то код на клавиатуре.

Так оно и было: толстая рама портрета тёти Эдны и впрямь служила небольшим сейфом, который открывался при нажатии на несколько замаскированных позолотой кнопок.

Ласло протянул руку и достал из открывшейся сбоку от картины ниши крошечный пистолет с перламутровой рукояткой — Семейную реликвию номер двадцать, ласково прозванную «Фатальной Барышней».

— Ван Слай, ван Слай, не знаю, как же ты сумел проникнуть в дом... Впрочем, есть несколько вариантов... — пробормотал он, стиснув в кулаке Барышню. — Переделся грузчиком? Специалистом по оптоволоконной сети? Сантехником? Но кто же открыл тебе дверь? Имми? Нет... вряд ли она слышала стук в этих своих огромных, как сковородки, наушниках... Но кто же тогда? Дети?

Терзаемый всеми этими вопросами, Ласло дошёл до своего кабинета, где смог убедиться, что ничего не тронут, а затем направился в комнату в глубине коридора, самую дорогую его сердцу: там стоял большой телевизор с изогнутым экраном, а стены были полностью звукоизолированы, так что они с верным

ФАТАЛЬНАЯ
БАРЫШНЯ

Семейная реликвия
№20

Название
исчерпывающе
красноречиво:
она изумительна,
но ФАТАЛЬНА!

слугой Тибо от случая к случаю предавались там футболному досугу.

— А-га! — пробормотал Ласло.

Здесь недоставало двух вещей: серебряного подноса и стадионной дудки, в которую они с дворецким то и дело дудели, празднуя голы любимых команд.

Широкая улыбка растянула губы Ласло.

— Что ж, похоже, сомнений больше не остаётся. Не знаю, где ты прячешься, дорогой мой Оливер, но ведь именно для такого рода случаев я и приготовил свой исключительный... Чрезвычайный Протокол!

Господин Интригио украдкой подошёл к средневековому доспеху в углу и открыл его. А затем надел — с той же непринуждённостью, с которой любой другой накинул бы халат. Он опустил на прищуренные глаза забрало шлема, включив тем самым спрятанные в нём противогазовые фильтры и прибор ночного видения. И наконец нежно повернул деревянную рукоятку вешалки у входа. Ещё один из множества секретов дома Интригио! В мгновение ока погасли все источники света в доме, включая светодиодные индикаторы бытовых приборов. Двери и окна наглухо запломбировали тяжёлые выдвигаемые металлические панели.

— Забраться-то ты забрался, дорогой мой ван Слай... а вот как ты теперь выбираться будешь?

Гроыхая своими доспехами не без некоторого проворства, сжимая в одной руке Барышню, а в другой — папиру графов Интригио, Ласло поднялся по лестнице.

В коридоре второго этажа ему показалось, что небольшой японский лакированный столик стоит не совсем на своём привычном месте: раньше он был прямо у двери в комнату тринадцати маятников — главное помещение в доме. То место, куда его враг, по расчётам Ласло, обязательно попытался бы пробраться. Он на мгновение остановился и с сомнением посмотрел вверх — над ним были спальни и мансарда Имоджен.

«Почему никто не вскочил с кровати, как только я запустил Чрезвычайный Протокол?» — задумался он.

Да потому что эта змея ван Слай усыпил всех снотворным — с имбирём, скорее всего, — ответил Ласло сам себе, состроив раздосадованную гримасу.

Он терпеть не мог имбирь, в последнее время ставший настоящей эмблемой самых халтурных фьюжн-ресторанов.

Но больше всего Ласло презирал Оливера ван Слая.

Так что он без малейших колебаний распахнул дверь в комнату тринадцати маятников, где хранились самые ценные Семейные реликвии.

— Ни с места, ван...!

ДУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!!!

Фанатская дудка загудела в нескольких сантиметрах от его левого уха. Потом над Ласло прогремел взрыв, и его осыпало разноцветным серпантинном. И наконец из-за стола выскочили четверо:

— С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!

Тибо держал в руках серебряный поднос, на котором красовался любимый коктейль именинника. На Вине было вечернее платье, а в руках она держала один из тех продолговатых и узких пакетов, внутри которых просто не может быть ничего, кроме шёлковых галстуков. Зельда щёлкала затвором фотоаппарата, желая задокументировать, как её отец ворвался в зал в средневековых доспехах. Маркус всё ещё сжимал в руке пистолет, стреляющий серпантинном, а Иможден...

— ...ДУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУУ!!!

— Имми... — пробормотал оглушённый Ласло. — Не могла бы ты перестать дудеть?

— Не ожидал, пап, а?

— Нет, святые угодники, не ожидал! Да и день рождения у меня послезавтра!

— Мы прекрасно знаем, дорогой. Но не выступи мы немного заранее, ни в жизнь не застали бы тебя врасплох, — ответила ему госпожа Бина.

— Хм, это правда. Не так-то легко обвести вокруг пальца Ласло Интригио! — усмехнулся он. А затем

медленно вылез из доспеха, тут же обменяв его на коктейль.

— Тибо...

— Конечно, господин Ласло, — кивнул дворецкий, не дожидаясь дальнейших пояснений. — Я сейчас же пойду и остановлю Чрезвычайный Протокол, пока не запустился Второй Этап... Было бы не особенно приятно, если прямо во время вашего праздника на нас обрушился бы поток быстротвердеющей пены, — учтиво ответил дворецкий семейства Интригио, покидая комнату.

— О, вижу, что наш незаменимый Тибо отключил и микрочипы, отвечающие за управление комнатой... — сказал Ласло, показывая на горящие вопреки Чрезвычайному Протоколу люстры. — Я чуточку предсказуем, не так ли, дорогая? — смущённо пробормотал он.

Но Бина улыбнулась ему.

— Я тоже, не переживай, — ответила она, протягивая ему продолговатый блестящий пакет.

— В предсказуемости есть какой-то элемент заботы, тебе так не кажется?

— Ты права, дорогая моя... Жёлтый? — спросил он, хватая свой подарок.

Бина закусила губу.

— Вообще-то... в этот раз выбирали дети.

Добродушная улыбка Ласло умерла у него на губах от одного взгляда на ужасающий принт с отдалённым намёком на психоделику, красовавшийся на его новом галстуке.

— О, в точности такой, о каком я мечтал! — соврал он, вновь складывая губы в ехидной улыбке. — Сегодня вечером сюрпризы так и сыплются, а? А ведь представителя семьи Интригио так просто не проведёшь!

— Мы целый месяц готовились! — призналась Зельда.

— И несмотря ни на что, тебе удалось вооружиться! — восторженно сказал Маркус.

— И... покрыться бронёй! — добавила Имоджен, бросая взгляд на громоздкий железный скафандр, лежавший на полу.

— Как я вам и говорил, фирменный инстинкт рода Интригио! Как у вашего египетского предка Рашида Эль-Интрига, который выбрал пралине в чёрном шоколаде с ратафией из коробки отравленных конфет.

— Ух ты, и только в ней не было яда? — спросил Маркус.

— Нет-нет, она тоже была отравлена. Но пока старому доброму Рашиду промывали желудок в скорой помощи, он признался, что конфеты вкуснее в жизни не пробовал!

— Ммм, интересно... — откликнулась Зельда.

— Да, но раз уж мы об этом, есть ещё кое-что интересное... — сказал Ласло, наморщив лоб. — Почему мы здесь, в комнате тринадцати маятников? Традиция в этом смысле ясная. Комната должна стоять закрытой всегда, если только в жёлтый ящик для писем не придёт...

— ...жёлтый конверт, конечно. Так он и пришёл! — прервал его Маркус.

— Но самое странное, что на сей раз жёлтый конверт... вовсе не жёлтый, — добавила Зельда.

Ласло вопросительно посмотрел на жену.

— Да, это так. А ещё я думаю, что не тётя Эдна нам его отправила... — подтвердила Бина, показывая ему странный, исключительной элегантности конверт из рисовой бумаги.

— Суп из креветок с имбирём, господа, чтобы перекусить в праздничную полночь... — объявил в эту секунду Тибо, внося из кухни огромную сине-белую фарфоровую супницу. — Традиционный рецепт наньтунских рыбаков, господин, не извольте беспокоиться: ни единой уступки нынешней безалаберности, — добавил он вполголоса, проходя мимо Ласло.

Господин Интригио был вынужден признать, что в аромате этого имбиря, смешанного с запахом

креветок, и вправду был некий манящий и аппетитный оттенок. И решил, что загадочную историю конверта неправильного цвета лучше распутывать, сидя за столом с приборами в руках.

2

Как напевают моржи

— Э то действительно необычно... — размышлял господин Интригио, складывая салфетку возле своей тарелки после третьей порции супа из креветок.

Маркус уже дремал, опустив голову на стол, Зельда лакомилась клубникой с мороженым, а Имоджен, сложив ноги на стуле, уставилась на экран своего смартфона с не поддающимся расшифровке выражением лица.

— Я имею в виду, что... — продолжал Ласло, — такое уже бывало: какой-то неопытный почтальон по ошибке

сунул обычные письма в жёлтую щель, предназначенную для конвертов тёти Эдны, но всякий раз установленные в нём сверхчувствительные сенсоры выплёвывали неправильные конверты обратно.

— А этот конверт, насколько можно судить, полностью соответствует по размерам и весу тем, в которых отправляет свои письма тётя Эдна, — отозвалась Бина.

— Но он не жёлтый, — добавила Зельда.

Ласло ещё немного покрутил конверт в руках, пытаясь оценить его плотность.

— Что это за бумага?

— Китайская, совсем как суп Тибо, на мой взгляд. Ручной работы. Старинная. Ценная. Пурпурный цвет, натуральный краситель. Исключительно изысканная бумага.

— И кто же, по-вашему, стал бы давать себе труд писать нам письмо на старинной китайской бумаге ручной работы?

— Кто-то исключительно изысканный, не иначе. Он знал, что мы оценим это по достоинству.

— Точно, — пробормотал господин Интригио, кладя конверт на стол.

— И? — обратилась к нему Зельда. — Ты что, не станешь его открывать?

Ласло встал из-за стола, подошёл к хрустальным витринам, в которых выставлялись некоторые из семейных реликвий, и, бросив на них беглый взгляд, открыл одну.

— На изысканность всегда отвечают не меньшей изысканностью, воробушек... — сказал он дочери.

И, показав ей изящный костяной нож для бумаг, с помощью которого намеревался открыть конверт, вернулся на своё место за столом, пока Зельда робко пыталась обозначить своё неудовольствие манерой обращения отца к дочери, которой давно минуло одиннадцать.

— А главное... — невозмутимо продолжал Ласло, — в случае, если, открыв конверт, мы выпустим наружу какое-нибудь ядовитое вещество, лучше знаменитого Ножа Для Бумаг «Амадей» тёти Освальды Хосе Интригерас ничего не придумаешь. Ах, до чего же невероятная это была женщина...

Ласло как следует вдохнул, придал своему лицу вдохновенное выражение и начал рассказывать одну из своих вечных баек:

— Её называли «Мадам Посол», хотя она ни дня в своей жизни не проработала в посольстве. Но клятву верности она, по своим собственным словам, всё же давала: поклялась всё время быть начеку. Среди шпионов не было равных ей в изворотливости. Например,

Семейная реликвия №18
НОЖ ДЛЯ БУМАГ «АМАДЕЙ»

ОСВАЛЬДА ХОСЕ ИНТРИГЕРАС

в Венецианском казино, 1957 г.

Семейный талант: Взгляд пантеры

чтобы избежать отравления, читая меню роскошного ресторана или облизывая почтовую марку, она заказала себе вот это...

Ласло помахал ножом.

Имоджен зевнула, ничуть не стесняясь, а Зельда спросила:

— И как же он работает?

Прежде чем открыть конверт, Ласло провёл ножом по языку.

— Достаточно чуть смочить лезвие слюной и использовать его как обычный нож для бумаг. В рукоятке таится хитроумнейший детектор токсичных веществ, и если на разрезаемой бумаге есть яд, это чудесное приспособленье предупредит тебя.

— А почему «Амадей»?

— Потому что тревожный сигнал — это каватина из оперы Моцарта «Так поступают все», — с улыбкой ответила Бина. — В её сюжете упоминается мышьяк...

— Ах, тётя Освальда! Какое изящество, какое чувство юмора! Если бы не тот испорченный хамон, она бы и по сей день наводила шороху по министерствам, посольствам и роскошным казино... — вздохнул Ласло.

— Как бы там ни было, пока что опасаться нам нечего, — добавил он, стряхнув с себя все эти воспоминания. — Конверт не отравлен, как и... это.

Он положил Нож для Бумаг «Амадей» на скатерть и молча прочёл записку, которую только что вынул из конверта.

— Как мы и думали... — наконец пробормотал он.

И нашёл взглядом жену.

— Это он? — спросила Бина.

— Он самый.

Зельда фыркнула.

— Пфф... Не были бы вы так любезны сказать нам, кто же это такой?

Впрочем, оглянувшись, она поняла, что кроме неё слушать уже некому. Маркус спал без задних ног, а Иможден стремительно приближалась к миллионному за вечер тычку в экран своего смартфона. Семейные миссии интересовали её ничуть не больше, чем школа, — более того, школа даже слегка выигрывала, ведь там по крайней мере было несколько ровесниц, с которыми можно поговорить и поделиться множеством мелких подростковых драм, которых никто больше, казалось, не замечал.

Тибо вызвался помочь юному господину Маркусу добраться до своей спальни, но Ласло указал ему на стул, приглашая сесть рядом с ними.

Это было необычно: не считая топовых матчей, дистанция между господином Интригио и его дворецким была твёрдо очерчена незримыми границами службы,

но этот вечер, судя по всему, был из числа совершенно особенных.

— Мы, дорогой Тибо, получили приглашение. Угадай-ка, от кого... — сказал Ласло.

— Мистер Ребус, — ответил дворецкий, ни секунды не колеблясь.

— Кто-о-о? — тут же спросила Зельда.

— Ребус, — ответила её мать.

— Ребус в смысле загадка? А откуда вы его знаете?

— Это прозвище человека исключительно изысканного, совсем как эта китайская рисовая бумага, и... — ответил Тибо и прервался, обнаружив, что заговорил раньше, чем господина Интригио. Но поскольку и Бина, и Ласло подали ему знак продолжать, он добавил: — ...и о нём практически ничего не известно, кроме того, что это один из величайших и изобретательнейших преступников всех времён.

— И записка его, как и следовало ожидать, весьма красноречива... — пробормотала Бина, передавая содержимое конверта дочери.

Зельда посмотрела на неё всего секунду и воскликнула:

— Это зашифрованное сообщение!

— Классический мистер Ребус, — вздохнул Ласло. — Но я уверен, что за полчаса мы разберёмся, в чём тут дело. Ты согласна, дорогая?

Госпожа Интригио кивнула и, потягиваясь, встала из-за стола.

— Вы разберётесь, милый. Ты и наш дорогой Тибо! А у нас с Зельдой был длинный день, не правда ли?

Девочка прикусила губу.

— Мам, я вообще-то зашифрованного сообщения никогда не... Оооууу!

Слова Зельды потонули в гигантском зевке.

— Вот-вот, моя дорогая, — сказала Бина, пытаясь разбудить Маркуса ровно настолько, чтобы он своими ногами дошёл до кровати.

Зельда ещё попыталась поспорить, но второй головокружительный зевок поставил в этом вопросе окончаттельную точку.

Итак, госпожа Интригио с сонными детьми попрощались с двумя мужчинами, которые тем временем очистили участок стола от тарелок и скатерти, заполнив его фолиантами по математике, скальпелями, линейками, разноцветными счётами и другими причудливыми инструментами, явно готовясь взяться за работу над таинственным зашифрованным сообщением мистера Ребуса.

— Кстати, Тибо... — это были последние слова отца, которые Зельда услышала, поднимаясь к себе в комнату, — мы вчера пробовали неплохой сыр из молока пуатусских коз, его там часом не осталось ли ещё немного?

Проснувшись на следующее утро, Зельда чувствовала себя так, словно всю ночь ворочалась в кровати.

Озадаченно оглядевшись, она заметила, что кровать брата пуста, и выскочила из комнаты, даже не переодевшись из пижамы в дневную одежду.

Маркус стоял на пороге комнаты тринадцати маятников. Со стола так никто и не убрал, да и вообще тут царил ужасающий беспорядок.

— А ещё жалуешься, что тебя до сих пор дурацкими словами называют, — сказал, посмеиваясь, брат, когда она подошла.

— Что?

— Зельда, на тебе розовая пижама с миленькими пони всех цветов радуги!

— Это единороги, а не пони! — ответила сестра.

— Ладно, проехали... Лучше скажи: что здесь случилось, как ты думаешь? Моя версия такая: лев и львица сбежали из цирка и слегка порезвились в нашей комнате тринадцати маятников!

— А вот и нет! Просто папа и господин Тибо пытались расшифровать закодированную записку.

Маркус зевнул.

— О, я смутно помнил что-то такое. Не приснилось, значит...

Они спустились на этаж, и там тоже царил хаос.

В библиотеке поперёк полок висела простыня, испещрённая числами и цифрами. А старая школьная доска двоюродного деда Василия Интриговьева стояла, перегородив коридор. Двери в кабинет Ласло были наглухо закрыты, но оттуда всё равно доносились звуки яростной работы ручек, клавиш и ножниц. А из кухни лился сладкий голос радиоведущей.

— Мама! — воскликнули дети, обернувшись на эти звуки.

Бина как раз готовила завтрак.

— Доброе утро, Зельда. Доброе утро, Маркус.

— Где Тибо и папа?

— А главное... как у них дела с запиской Мистера Ребуса?

— Судя по количеству комнат, перевёрнутых вверх дном... я бы сказала, что дела у них превосходно, — ответила она.

— Ммм... Может, им нужна помощь?

— Я уже предлагала, но ты же знаешь, что бывает с папой и Тибо, когда они пускаются в своё очередное великое приключение... Для них это своя история, и больше ничья, — ответила Бина с улыбкой.

Зельда фыркнула и запрыгнула на кухонную табуретку.

— Ну да... Остаётся только надеяться, что в этот раз будет не так, как с расследованием о русской подлодке-призраке.

— У, точно! — эхом откликнулся брат. — Гостиная три дня была запретной зоной!

— Да ладно вам, главное же результат, не так ли? — ответила госпожа Интригио, протягивая детям коробку хлопьев и кувшин молока. — Советую вам как следует позавтракать и набраться терпения. А ещё — не прокатиться ли нам на великах?

— Да! Солнце сегодня необыкновенное, — поддержал Маркус, окуная ложку в миску.

— Ладно... Если мы дадим жару и доедем до Берлина, может, к нашему возвращению папа и Тибо расшифруют этот код, — с ухмылкой сказала Зельда.

На сей раз даже мама Бина не смогла удержаться от хохота.

Чуть позже Имоджен тоже почтила своим присутствием кухню — из-под её огромной синей толстовки с капюшоном торчали голые коленки. Бина настояла, чтобы дочь поздоровалась с остальными как следует, а не мыча что-то нечленораздельное, и спросила, не хочет ли она присоединиться к велопрогулке.

— Пффф... Я устала, ма. Можно я дома посижу? — ответила девочка, гоняя свои хлопья ложкой.

— С этой парочкой одержимых, которые бьются над своим шифром?!? — воскликнула Бина. — Делай как хочешь, Имми. Только потом не жалуйся. И отцу скажи. Мы выдвигаемся сразу после завтрака.

— И после того, как Зельда снимет эту жуть единороговую! — добавил Маркус.

Итак, Имоджен осталась дома: мысль о том, чтобы отправиться на прогулку в такой бесстыдно солнечный день, была ей противна. Завтракала она целую вечность, хоть почти ничего не съела: мысли были заняты тысячами проблем, которые могут испортить карьеру поп-музыканта. То немаловажное обстоятельство, что карьеру поп-музыканта она пока даже не начала, никак ей при этом не мешало.

Девочка вздохнула, соскочила с табуретки, перемыла всё, что было в раковине, потянулась и дошла до гостиной. Там она задержалась, разглядывая километры слов, греческих букв и алгебраических символов, пестревших на разбросанных повсюду больших листах бумаги. Имоджен показалось, будто она кое-что заметила. Будучи перворазрядной бездельницей в школе, она всё же несомненно унаследовала от мамы острый нюх в вопросах математики и тому подобных вещах.

Так что девочка постучалась в дверь папиного кабинета и, не дождавшись ответа, приоткрыла её ровно настолько, чтобы туда можно было заглянуть. В комнате стоял классический выразительный запах, который появляется, когда двое мужчин запираются в комнате на целую ночь без сна.

Глаза у них налились кровью, на подбородках выступила щетина, а ноги распухли в ботинках, снять которые воспрещал этикет. Мигал экран старого компьютера Ласло, а на стенах висели такие же большие листы бумаги, каждый со своим набором букв и цифр. Имоджен присмотрелась и увидела, что и в них кое-что не сходится.

— Па, привет, — сказала она, продолжая разглядывать каскады символов, чисел и линий, начертанных на бумаге.

— Привет, дорогая, привет... — ответил он глухим и отсутствующим голосом.

— Мама, Маркус и Зельда поехали кататься на великах. А я останусь дома, ладно?

Ласло кивнул, вежливо попрощавшись с ней движением руки и не отрывая глаз от огромного фолианта, которому на вид было не меньше двухсот лет.

— Па, как там ваша расшифровка? — простодушно спросила Имоджен.

— Что, прости?

— Шифр. Я спросила, как у вас дела.

— А... ну, это ужасно сложная история, — вздохнул отец. — Мистер Ребус — человек изощрённейшего ума...

— Вы себе не представляете, синьорина Имоджен... — вступил в разговор Тибо, смотря на неё поверх очков, сдвинутых на кончик носа. — Но теперь господин Интригио и я наконец-то вышли на след, который приведёт нас к решению.

— Вот как? — сказала Имоджен.

— А то как же! — поспешил подтвердить её отец, указывая на один из висящих на стенах листов. — Видишь... мы пришли к выводу, что перед нами комбинация каббалистических преобразований и одно из частных применений теоремы Фурценхайма-Хольцкопфа...

— Ого... и что же у вас выходит?

— Мы провели все необходимые операции и увидели, как проступает новое послание из слов на разных языках, в переводе оно звучит так...

Тут Ласло показал на доску, стоявшую перед Тибо, который немедленно прочёл:

— Восемь кобальтовых моржей нечётно напевают в Майнце!

— Нечётно, значит... — повторила Имоджен, уставившись на доску.

— Именно! — кивнул Ласло, и глаза его загорелись, несмотря на усталость. — Мы с Тибо думаем, что это ключ ко всей загадке.

— Конечно, синьорина Имоджен... — столь же воодушевлённо откликнулся дворецкий. — Видите ли, моржей восемь, то есть чётное количество, но поют-то они нечётно. Вот так тайна! Не говоря уж о том, что нам ещё кучу слов нужно расшифровать.

— Понимаю... — сказала Имоджен и сжала губы. — А что если... попробовать код Перепрыжки?

Услышав эти слова, Ласло закрыл глаза и не смог удержаться от смеха.

— Имми, я ценю, что ты хочешь нам помочь, но... хи-хи-хи... это же дьявольский мистер Ребус... речь о чудовищно сложных вещах...

— Ну и пожалуйста! Вы с мамой вечно пристаёте, что я не участвую в семейных делах, а теперь... — проворчала девочка.

И сунула кулаки поглубже в карманы толстовки, резко повернувшись к выходу.

Ласло внезапно вскочил на ноги, отчего его колени зловеще закрипели, и поймал дочь за руку.

— Прости, Имми, ты права... — сказал он с отцовским добродушием. — Ничто не мешает нам рассмотреть и твою гипотезу тоже, не так ли, Тибо?

— Разумеется, — кивнул дворецкий.

Но улыбочки на лицах обоих взбесили девочку ещё сильнее; она схватила записку мистера Ребуса, блокнот и шариковую ручку, рухнула в кресло и принялась расшифровывать непостижимое послание, больше похожее на салат из случайно попавшихся под руку букв. Чтобы разобраться в нём, она прибегла к коду Перепрыжки, который знают и любят в начальных школах всего мира. Первую букву она заменила на ту, что идёт прямо перед ней в алфавите — в данном случае «И». Затем перешла ко второй, заменив её на ту, что идёт после — «С», — и так далее, пока буквы в записке не кончились.

Меньше чем за десять минут Имоджен закончила расшифровку.

— Ну что, дорогая, что у тебя получилось? — спросил Ласло, справившись с никак не кончавшимся зевком.

Имоджен посмотрела на страницу блокнота и начала читать.

«Господа Интригио приглашаются в воскресенье, восемнадцатого сентября, в двенадцать часов, в усадьбу Беля-Трикасс близ Экс-ан-Прованса. В случае если настоящее приглашение будет отклонено, мы возьмём на себя труд направить в средства массовой инфор-

мации фотоснимки, документирующие прискорбные события на Рю-де-Помпельм, а также ваш нынешний адрес.

Мистер Ребус»

Когда она закончила читать, малейшая тень улыбки сошла с лиц Ласло и Тибо, и её место заняло ошеломлённо-испуганное выражение.

Что же до Имоджен, то для неё настал момент маленького реванша.

— Ну, это, конечно, не моржи из Майнца... но тоже неплохо, не так ли? — усмехнулась она.

3

Нам точно сюда

Судьбоносное вмешательство Имоджен пролило свет сразу на несколько вещей. Во-первых, стало ясно, что послание мистера Ребуса — это одновременно любезное приглашение и отвратительный шантаж. Кроме того, стало очевидно, что в следующие полгода Имоджен сможет ходить на любые поп-, трэп- и хип-хоп концерты по своему усмотрению, зная, что билет ей будет оплачен, а спутником выступит милый папочка или, в его отсутствие, старый добрый Тибо. Такова была цена, о которой Ласло и дворецкий договорились

с тинейджером дома Интригио, чтобы добиться её молчания касательно способа расшифровки послания мистера Ребуса.

А вот «прискорбные события на Рю-де-Помпельм», о которых шла речь в записке, остались окутаны мраком.

— Крошечная ошибка прошлого... правда, ФБР и Интерпол очень негодовали. Поди их пойми... — вот и всё, что Зельде и Маркусу удалось вытянуть из отца своими настойчивыми расспросами.

— Мы с папой в то время были ещё очень молоды, — не менее лаконично высказалась Бина. На том разговор и иссяк, и возобновить его не было ни малейшего шанса.

Так или иначе, через два дня после расшифровки послания древняя семейная легковушка-универсал, которую молодое поколение называло «старой развальной», тихо ехала по дороге, проложенной посреди нежных пейзажей французского юга.

— Ах, Прованс! Чувствуете, как воздух благоухает? — спрашивала Бина, сидевшая за рулём, опустив окно.

Это чувствовали все.

Они переночевали в Лионе и проехали ещё один участок шоссе, а затем углубились в поля по всё более

узким просёлочным дорогам: одна деревенька, потом другая, — они тоже всё время уменьшались, — и вот уже их окружали пастбища, лавандовые поля, рощицы, ручейки и каменные дома, купающиеся в зелени.

Ласло высунул руку из окна и время от времени делал вид, что срывает торчащий из канавы цветок. Маркус принялся считать пасущихся лошадей, Имоджен ворчала, что лучше бы её оставили дома, а Зельда, балансируя на самом краю сиденья, следила, как синяя точка скачет по карте на экране планшета.

— Направо, — скомандовала она вдруг.

Бина повернула, и под колёсами зашуршала галька.

Тогда Зельда положила чехол с планшетом на колени и откинулась на спинку сиденья между братом и сестрой.

— Ты уверена, что нам сюда? — спросил её Маркус.

— Дальше карта молчит, — ответила девочка. — Там отмечен выезд на просёлочную, а потом... красивый голубой прямоугольник.

— Это, наверное, большой бассейн! — весело воскликнул Ласло.

— Я сильно сомневаюсь, — донёсся сзади голос Имоджен.

— Вы тоже слышите этот шум? — громко спросил Маркус.

— Это цикады, — ответила Зельда.

И в самом деле, сейчас, когда старая легковушка ехала не быстрее человеческого шага и шум её мотора превратился в еле слышное бормотание, из окон доносился оглушительный концерт насекомых.

— Да нет, не этот... — озадаченно сказал Маркус.

— Какой же тогда?

Маркус сделал странное лицо, как бы давая понять, что он, наверное, ошибся или больше не слышал этот шум, откуда бы он ни доносился.

— Похоже, приехали, семейство... — объявила Бина.

Дорога из белой гальки поворачивала направо, следуя за назойливой благоухающей изгородью, и шла к высоким воротам, которые стояли открытыми. По ту сторону виднелась липовая аллея, длинные ветви деревьев пестрели листьями. А в глубине аллеи стоял дом.

Они посмотрели на него, и каждый принялся изучать дом по-своему, не говоря ни слова. Это был большой старый особняк в несколько этажей с оштукатуренными вставками на каменных стенах, увитой диким виноградом башенкой и — с противоположной стороны — террасой на втором этаже, где виднелось несколько больших белых пляжных зонтов. Ставни на арочных окнах были выкрашены в изящный тёмно-зелёный цвет

бутылочного стекла. А большие, пузатые терракотовые вазы подмигивали гостям из сада.

Подождав, пока Бина выедет на площадку перед домом, члены семьи Интригио вышли из машины. Было очень жарко, вокруг неистовствовали цикады. Посреди площадки стоял старинный круглый фонтан; он не работал и превратился в декоративный бассейн, заполненный тёмной водой, в которой лениво плавали несколько гигантских карпов.

Их машина оказалась не единственной: рядом стояли припаркованными ещё две.

Маркус размял руки и зевнул от души, лениво разглядывая рваные следы, оставленные в небе самолётами, а его сестра Зельда сосредоточилась на двух автомобилях, стоявших на покрытой галькой площадке.

— Что там говорит твоя дедукция, мой маленький гений? — спросил папа Ласло, взъерошив ей волосы.

— О, массу всего, папуля, — ответила она. — Одна из машин английская, потому что у неё правый руль и жёлтый номер. А вторую, думаю, арендовали в аэропорту Ниццы: на ней наклейка автопрокатной компании. И ещё, если как следует присмотреться к бороздам, оставшимся на гальке вокруг фонтана, кажется, что здесь была по меньшей мере ещё одна машина,

только она уехала. — Она посмотрела на Ласло. — Может быть, такси? Ты что-нибудь ещё заметил?

Тот поправил галстук и придал своему лицу в должной мере довольное и изумлённое выражение.

— Всего одну вещь, по правде говоря, — сказал он и указал на господина в бежевом плаще, который как раз выходил из английского автомобиля.

— Добрый день, приятного вам воскресенья! — начал беседу господин, протягивая им руку.

— Бина Интригио, очень приятно, — первой ответила Бина, пожимая её.

— Счастливи познакомиться. Уильям Уолкер.

— Хм... Вы ведь секретный агент МИ-6, не так ли? — спросил Маркус, когда очередь дошла до него. — Я вас по одежде узнал.

— Ой-ой! — ответил господин Уолкер, облизав усы. — Неужто я настолько предсказуем?

— Не знаю, — ответил Маркус. — Но я только что прочёл книгу под названием «Как распознать секретного агента», и там в главе про англичан на фотографиях были типы, одетые в точности как вы.

Мужчина попытался рассмеяться. Он сунул руку под летний пиджак и спросил:

— А что у меня в этом кармане, в твоей книге тоже написано?

— Это скажу вам я: конфеты из Флавины! — ответила Бина. — Англичанину, приезжающему в Прованс, перед ними просто не устоять.

Мужчина немного замялся и обозначил ещё более натужный смешок.

— Ха-ха-ха... Попался! — сказал он, кладя на место коробочку с конфетами. А потом решил, что пора сменить тему.

— Итак, господа, полагаю, что и вы тоже... — начал он, обращаясь к двум взрослым.

— Не будем спешить с выводами, господин Уолкер, — примирительно ответил Ласло. — Поспешные умозаключения так часто портят хорошее настроение. Скажите-ка лучше, вы ведь тоже получили приглашение?

— Ну, дело в том, что... — нерешительно сказал Уолкер, опасаясь выдать себя.

— Приглашение неподражаемого мистера Ребуса? — сказала с улыбкой Бина, придя англичанину на выручку.

Лицо агента на службе Её Величества расплылось в улыбке.

— Его самого.

— Ага, — сказал Ласло и повернулся к дому, чтобы снова рассмотреть его. — Прелюбопытнейшее приглашение, вы не находите?

— Весьма. Тем более, что дом, похоже... закрыт.

У Бины приподнялась бровь.

— А как же второй автомобиль?

Уильям Уолкер указал на дверь особняка.

— Понятия не имею, леди. Звонок вон там, видите? Я стучал, звонил, кричал... И ничего. Как раз вернулся к машине проверить, туда ли я приехал, и тут появились вы.

— Классический мистер Ребус, — отозвался Ласло.

— Вы с ним знакомы? — осведомился Уолкер.

— Нет, не то чтобы, — ответил Ласло. — Мне довелось познакомиться... с его работой, скажем так, но я ни разу не имел удовольствия встретиться с ним лично.

— Что ж, стало быть, нас таких двое, — ответил англичанин.

Господин Интригио приветливо улыбнулся, и в этот самый момент Маркус внезапно вздрогнул.

— Вы слышали этот шум? — спросил мальчик.

— Опять?!? Я же сказала, что это цикады! — раздражённо ответила Зельда. — Сейчас сезон! А в сезон цикады устраивают весь этот невыносимый грохот!

— Да нет... я не про цикад! — возразил Маркус, показывая на террасу на втором этаже: снизу видны были только кончики белых зонтов и толстые балюстрады.

Немного погодя он добавил:

— Слыхали? Это был бокал, тарелка или что-то такое.

Бина кивнула:

— Сейчас я тоже услышала. Значит, в доме есть жизнь. Осталось лишь понять, как доложить о себе.

— А это, зная мистера Ребуса, может оказаться отнюдь не очевидным делом... — пробормотал Ласло. — Вы уверены, что дверь закрыта?

— Столь же твёрдо, как в том, что я здесь, господин Интригио...

Интригио... Пока Уолкер повторял эту фамилию, его светлые глаза внезапно уменьшились, заострившись, как булавки.

— А вы часом не приходитеесь кем-нибудь МакИнтригам из Глазго?

— Нет, никем не прихожусь, — с привычной невозмутимостью соврал Ласло. — А двести тридцать тысяч Уолкеров из Беркшира вам случайно не родня?

— Туше, как говорят в этих краях, — хихикнул Уолкер.

Затем оба вернулись к входной двери и нажали на звонок, отчего коридоры и комнаты дома наполнились глубоким, переливающимся звоном. Таким образом, механизм работал, но после довольно долгого ожидания им пришлось признать очевидное: открывать никто не придёт.

— Простите, — сказал тогда Ласло, — но я бы попробовал начать с самой банальной версии. — И он приподнял в поисках ключа изящный чугунный коврик перед дверью, предварительно сдвинув с него господина Уолкера.

— Не трудитесь, господин Интригио, и стену под плутом тоже можете не проверять, как и стоящие здесь вазы, — уточнил господин Уолкер. — Я это уже проделал.

— Понимаю, — кивнул, вставая, Ласло. — Итак, у нас есть закрытая дверь и никакого ключа, чтобы её открыть.

— Именно так.

Ласло взглянул на часы.

— Но мы приехали вовремя.

— Мы-то да, — согласилась Бина. — Хотя, может быть, нам ещё нужно подождать...

Стоило госпоже Интригио произнести эти слова, и как по мановению волшебной палочки со стороны липовой аллеи послышалось шуршание гальки.

Все повернулись в ту сторону и увидели белую легковушку, которая двигалась к ним с довольно-таки умеренной скоростью. Окончив свой неспешный путь, белое авто припарковалось рядом с машиной семейства Интригио.

— Здравствуйте! — воскликнул сидевший за рулём тип, прежде чем выйти и рассыпаться перед всеми в сердечных приветствиях. Это был пухлый мужчина с бледной кожей и покрасневшим лицом, не особенно величественного роста, одетый как самый обычный турист: бежевые шорты, тёмно-зелёное поло и холщовые кеды. Дверь своего авто он оставил открытой.

— Однако, какое великолепное место! — воскликнул он, запрокинув голову. — Вы тоже победители? Ах, как я счастлив! Видали, какое чудо? Очень приятно, я господин Трипп. Вы тоже выиграли? Поздравляю!

Он энергично жал руки, здоровался и почти всем повторял одно и то же, пока наконец Бина не спросила его:

— Простите, господин Трипп, можно ли мне узнать, почему вы продолжаете спрашивать, выиграли ли мы? Что, собственно, выиграли?

— А! Да призовое путешествие от «Матрасов Ниманд»! — воодушевлённо ответил вновь прибывший.

— Матрасов, говорите?

— Ну да! Розыгрыш! Тот, в котором можно было выиграть это сказочное путешествие в Прованс, — пустился с места в карьер господин Трипп. — А самое странное то, что я выиграл... ни разу не купив ни единого из этих треклятых матрасов! Ха-ха-ха, они,

наверное, что-то напутали, эти хитрюги из «Матрасов Ниманд»... Но ведь как говорят: дарёному коню... Ха-ха-ха... И к тому же я впервые в жизни что-то выигрываю! Я пытался тысячу раз: рождественская лотерея, скретч-лотерея, даже лото с соседями... Но ни разу ничего не выигрывал. А тут вдруг ни с того ни с сего мне приходит письмо от фабрики матрасов «Ниманд», что я выиграл! Невероятная удача! Я до сих пор не верю в такое везение! Но вы наверняка и сами знаете... разве вы не остальные победители розыгрыша?

— Ну конечно, господин Трипп, — уверенно кивнул Уолкер, бросив заговорщицкий взгляд на Ласло, который тут же ответил еле заметным кивком и, если бы мог, с радостью процитировал бы знаменитую фразу своего предка Жан-Жака д'Интрига, которая звучала так: «Никогда не раскрывай свои карты, особенно если дело дрянь!»

— Да-да, господин Трипп, — сказал он вместо этого. — Но, видите ли, в данный момент причина, по которой все мы приехали в этот великолепный дом, не так важна, как то, чтобы суметь попасть внутрь. У вас случаем нет ли при себе ключа? Или, быть может, в письме, которое вы получили...

— Пап? — прервала его Зельда.

Они с братом стояли в стороне.

Спасаясь от удушливой болтовни господина Триппа Зельда с Маркусом отошли подальше и изучали дом, где им предстояло провести эти странные выходные.

— Секунду, воробушек.

— Пап, тут на стене ящерица геккон.

— Славно, передай ей привет, милая. Так вот, господин Трипп, я говорил...

— Но гекконы не выходят днём! Это же ночные животные!

— Сумеречные, точнее говоря, — поправил Маркус. — Но вообще и правда странно, что этот сидит себе вот так на солнце.

— Ребята, пожалуйста, помолчите немного...

Но ребята и не думали молчать. Они подошли к той самой стене и принялись разглядывать геккона, который неподвижно сидел себе на месте. Даже слишком неподвижно, если как следует присмотреться.

— Это не настоящий геккон! Он из ржавого металла! — воскликнул Маркус, рассмотрев его вблизи.

Он уже протянул руку, чтобы взять ящерицу, но сестра остановила его.

— Ну-ка убери эти вредительские пальчики! — пошутила Зельда.

В самом деле, в силу Семейного таланта Вредителя, отличавшего её брата, тот способен был

за несколько секунд испортить любое механическое приспособление.

Маркус фыркнул, но позволил сестре взять металлического геккона, прикрепленного магнитом к водосточной трубе. Девочка тут же нащупала крошечную кнопку на животе неживой рептилии и нажала на неё.

Дзинь!

Изо рта животного выпал узкий металлический язычок, который выглядел совсем как...

— Ключ! — воскликнула Зельда.

Девочка тут же совершенно непринуждённо вставила его в замочную скважину, повернула, — и дверь открылась.

— Ну, неважно, господин Трипп... — пробормотал Ласло, следуя за своими детьми в дом.

По ту сторону двери находился изящный мраморный вестибюль, где было тенисто и свежо. Слева от вестибюля располагалась лестница, с вершины которой доносились голоса и весёлое позвякивание бокалов.

Небольшая компания поднялась наверх. Сначала Маркус и Зельда, сразу же следом — их родители, за ними господа Уолкер и Трипп, а замыкала процессию Имоджен.

Они вышли в просторный коридор, ведущий на террасу, которую было видно снизу. Просторную,

залитую солнечным светом террасу окружали балюстрады и вазы с цветами. В тени белых зонтов стояли два накрытых стола — большой и маленький. Разумеется, места были отмечены элегантными табличками, и повсюду стояли подносы с маленькими тартинками.

— Добрый день. Полагаю, вы господа... Уолкер и Интригио? — поприветствовала их молодая женщина с гибкой и стройной фигурой. Глаза её были ледяного цвета; рядом с ней сидел светловолосый дитина, и оба потягивали коктейли. Кроме них, за столом поменьше сидела черноволосая девочка с каре, фарфоровыми щеками и, мягко говоря, свирепым выражением лица.

— Ну а вы, вероятно... господин Трипп? — снова спросила женщина, когда человек в шортах тоже добрался до террасы.

— О, красавица... а вы-то откуда знаете? — спросил Трипп, тараща глаза.

— Имена на табличках, друг мой! — произнесла Бина голосом человека, раскрывающего невероятную тайну. Затем она быстро окинула одним из своих фирменных панорамных взглядов все до единой бумажки, размещённые на маленьких серебряных пьедесталах, и протянула руку женщине со светлыми глазами.

— Ирина Перныковская, верно? Очень приятно, Бина Интригио.

Светловолосый детина встал.

— Билл.

— Простите, Билл, а как ваша фамилия? — спросил Ласло.

— Билл Белл, друг. Рад с тобой познакомиться.

У него был явный американский акцент, крепкое рукопожатие и имя, которое сложно забыть.

— Сударыня, которая сидит вон там, — это Пенни, моя дочь, — добавила Перныковская. — Но, как видите, она не особенно рада, что наш хозяин приготовил отдельный стол для детей.

Маркус и Зельда подошли к ней.

— Эй, Имоджен, ты тоже за нашим столом! — объявила Зельда, не без некоторого ехидства указывая на табличку сестры.

— Чего?!? Ни в жизнь не подумаю туда сесть! — мгновенно запротестовал подросток дома Интригио. — Там же одни дети!

— А мне в таком случае что сказать? — парировал Маркус. — Вы все девочки!

Ласло улыбнулся.

— Прекрасно, пожалуй... Они выглядят довольными. — Затем он сел на место, которое, казалось, пред-

назначалось ему, попробовал одну из тартин и воскликнул: — О чудо! Не знаю, как им это удалось, но эта штука совершенно безвкусна!

Билл поспешил протянуть ему бокал.

— Если на то пошло, в бутылках тоже не шампанское, как может показаться, — хихикнул американец, — а газированная вода.

— Ужасная безвкусица со стороны нашего мистера Ребуса, ничего не скажешь, — проворчал Ласло.

— Что за сказка эта терраса! Смотрите, там и бассейн есть! — прокудахтал господин Трипп.

Взгляд Имоджен оживился впервые с момента их прибытия на виллу.

Уолкер неодобрительно пригубил газированную воду, сел и посмотрел на остальных. А потом медленно проговорил:

— Ну, теперь, когда, похоже, мы все на месте, вопрос вот в чём: зачем мы здесь?

Перныковская кивнула Биллу, словно они тоже уже задавались этим вопросом, семья Интригио обменялась серией осторожных взглядов, и наконец все уставились на господина Триппа, который вынул из кармана своих шорт телефон и непрерывно фотографировал всё вокруг.

— Ммм... хотите, вас тоже сфоткаю? — спросил он, когда заметил, что находится в центре внимания.

В этот момент на террасе раздался звук гонга, а вслед за ним из глубины дома донёлся торжественно-церемонный голос, который произнёс:

— Ответ на ваш вопрос очень прост, господа...

4

Зачем мы здесь

Сначала солнечный свет блеснул на серебряном подносе, затем на террасу вышел дворецкий в безупречной тёмной ливрее, а следом за ним — миниатюрная женщина в униформе шеф-повара с маленьким гонгом в руках. Эта пара дружно прошествовала к накрытым столам. Дворецкий, высокий мужчина с седыми волосами и впалыми щеками, поставил поднос на стол, а повариха положила на него гонг.

— Добро пожаловать в Беля-Трикасс, дамы и господа, — произнёс мужчина. — Я Кий Смит, дворецкий.

— Что? — отозвался Ласло. — Вы, значит... Дворецкий Кий?

— Понимаю ваше удивление, — кивнул лакей, слегка обозначая улыбку. — Но в моей семье всегда была традиция давать несколько экстравагантные имена. И мой отец не стал прерывать эту традицию.

— Ну и ну! — воскликнул Уолкер.

— О, так вы знали моего отца, сэр?

— Что вы имеете в виду?

— Нуину Смит, сэр. Так звали моего отца...

Из-за стола раздалось завывание. Это был Билл Белл.

— Ради всего святого... может, хватит уже этих трехклятых церемоний, пока я тут не рехнулся совсем?!?

— Как пожелаете, сэр, — поспешил ответить Кий, кланяясь. — Леди рядом со мной — это мадам Эвтерпа, она заведует кухней на этой усадьбе. Помимо нас, другого обслуживающего персонала здесь нет, так что мы просим вас пользоваться гонгом, если вам что бы то ни было понадобится. А сейчас, если у господ нет больше вопросов...

— Ммм... есть один, по правде говоря, — сказал Ласло. — Нельзя ли узнать, кто приготовил эти тартины?

— Я, разумеется, собственноручно, — ответила мадам Эвтерпа.

Дворецкий, стоя рядом с ней, кивнул и улыбнулся.

— Мистер Ребус и правда распорядился, чтобы мадам Эвтерпа приготовила вам обед и ужин — вкусные и лёгкие, согласно принципам посткалорийной кухни — последней кулинарной моды у звёзд Голливуда.

Господин Интригио бросил на супругу взгляд, преисполненный чистого отчаяния. Он понятия не имел, что такое посткалорийная кухня, но уже само название звучало, как самый жестокий приговор.

— Обед, господа, будет подан в обеденном зале на первом этаже в тринадцать тридцать, а ужин — в двадцать тридцать, — заключил тем временем дворецкий.

Агент Уолкер прочистил горло.

— Я не хотел бы показаться невежливым, дорогой Кий, но, как говорят у меня на родине, «less is more» — чем меньше, тем лучше. Так вот, если бы мы могли ознакомиться с причиной этого приглашения...

— Ха-ха-ха! Но причина же в том, что мы все выиграли... — весело закудахтал было Трипп, тут же достигнутый неодобрительным взглядом Уолкера.

— О, господа, что касается данного вопроса, ваш покорный слуга всего лишь скромный дворецкий. Но я с удовольствием передам вам послание, которое Мистер Ребус оставил мне для вас, — сказал Кий,

доставая из глубины своего кармана записку. И, прокашлявшись, прочёл:

Мои дорогие друзья и желанные гости, приветствую вас в моём скромном жилище Беля-Трикасс. Надеюсь, что наряду с гостеприимством этих старых стен вы примете ещё один небольшой дар: загадку! Да, мои дорогие, загадку, которую я предлагаю вам разгадать до полуночи.

В противном случае...

Мистер Ребус

— В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ?!? — хором повторили все до единого приглашённые.

Кий с нескрываемым смущением повертел записку в руках.

— Ммм... сожалею, на этом послание заканчивается. Но мне было сказано вручить вам... вот это! — И, взяв в руки лежавший на подносе конверт, он изящно выложил его содержимое на стол, за которым сидели взрослые, после чего откланялся и вышел вместе с мадам Эвтерпой.

Там было пять ключей, привязанных тонкой цепочкой к брелокам: это были пять маленьких серебряных круглых рам с пятью разными изображениями.

Было очевидно, что это ключи от комнат для гостей, и господин Трипп сразу же протянул руку и взял брелок, на котором виднелся рисунок изящной миниатюрной кровати.

— Хе-хе-хе... Это точно мой! Там кровать нарисована, а я выиграл путешествие в розыгрыше, который организовала...

— ...распроклятая фабрика матрасов, знаем-знаем! — резко оборвал его Уолкер.

Тем не менее остальные взрослые за столом продолжали разглядывать ключи, только и делая, что обмениваясь подозрительными взглядами.

Зельда в недоумении развела руками и вприпрыжку добралась до стола, где сидели взрослые; другие дети тут же последовали её примеру и принялись изучать четыре оставшихся брелока.

— Здесь у нас... алмаз.

— ...а здесь красивое женское лицо.

— Попугай...

— ...и символ английского фунта стерлингов.

Прошло несколько долгих молчаливых секунд.

— Довольно! — буркнул наконец Ласло, хватая ключ с рисунком попугая, болтавшийся у Маркуса в руках. — Покончим уже с этим драмкружком!

Бина откликнулась на слова мужа:

— Правильно. Очевидно, что все изображения на этих брелоках связаны с теми причинами, по которым Ребусу удалось затащить нас сюда. Если говорить о нас, например, именно попугай сыграл решающую роль в определённых событиях...

— На Рю-де-Помпельм! — воскликнул Маркус.

— Да! — прогремел Ласло. — По сей день выхожу из себя, стоит только подумать об этом! Этот проклятый пернатый залетел прямо в...

Бина положила руку ему на плечо, остановив рассказ, пока не стало слишком поздно.

Имоджен, которую вся эта ситуация, казалось, весьма забавляла, помахала ключом с символом фунта.

— А этот? Его кто возьмёт?

— Уолкер, разумеется, — сказала Перныковская с насмешливой улыбкой. — Известно же, что пару лет назад с секретного счёта МИ-6 испарился миллион таких монеток, пока наш друг вёл кое-какое расследование на Каймановых островах...

— Ладно! Этот мой! — прорычал Уолкер, вставая. Он взял ключ с символом британской валюты, который протягивала ему Имоджен, и посмотрел на маленькую Пенни.

— А вот этот брелок с алмазом, что у тебя в руках, милашка, можешь маме своей отдать! Потому что

известно и то, что похожий камень, крупный, как орех, испарился из сейфа нефтяного магната Фанфаронова, пока агент Перныковская вела расследование его дела!

Пока девочка передавала ключ своей матери, улыбка на лице у той превратилась в разъярённую гримасу.

— Ну, в таком случае я бы сказал, что этот ваш, господин Белл, — заключила Зельда, вручая американцу брелок с лицом женщины, по которому Белл принялся постукивать указательным пальцем, качая при этом головой.

— Жасмин... Это низко, мистер Ребус! Невероятная и смертоносная женщина. Она сказала мне, что просто ходит купить пиццы, а час спустя все компьютеры Пентагона вышли из строя.

Господина Триппа, всё это время остававшегося неммым свидетелем сцены и сохранявшего самое тупоумное выражение лица, когда-либо виденное у человека, внезапно словно озарило.

— А, теперь я понял! Это что-то типа... да... как это называется... ужин с преступлением... Вечеринка с убийством! Вот это чудеса! Значит, я единственный настоящий победитель розыгрыша, а вы все актёры... И какие актёры, уж позвольте заметить! Ну и веселье же меня ждёт, я уже вижу!

Остальные гости переглянулись и решили оставить господина Триппа в убеждении, что так дела и обстоят. Они улыбнулись ему, как обычно улыбаются маленьким детям, и покинули террасу, перейдя в изящный коридор, обставленный старинной мебелью и украшенный броскими картинами с сельскими пейзажами. На дверях комнат по обеим сторонам висели небольшие дощечки с теми же картинками, что и на брелоках.

— Попугай... Жасмин... Фунт стерлингов... Алмаз... и Кровать! — выкрикивал Маркус, исследуя коридор вприпрыжку.

Они открыли все пять дверей, но заходить не стали. Внутри комнаты были просторны и элегантно обставлены.

— Что ж... — сказал Ласло, — пожалуй, увидимся на террасе, скажем, через полчаса?

Остальные закивали.

— Эй, дворецкий ничего не сказал насчёт пароля от вай-фая? — спросила Иможен. — Тут же есть вай-фай, да?!? — добавила она следом с ноткой отчаяния в голосе.

— Понятия не имею! А вы трое... а ну-ка вниз, бегом! — гаркнул Ласло, бросая им ключи Интригомобилья. — За чемоданами!

Болтая друг с другом, ребята спустились по лестнице в вестибюль, где их настигло эхо от грохота

кастрюль, доносившегося из кухни. Затем они вышли во двор с фонтаном, где стояли все припаркованные машины.

— А ты, Имоджен, что думаешь о других гостях?

— Не знаю... — ответила девочка со скучающим вздохом.

По правде говоря, единственный, на кого она обратила хоть немного внимания, — это Билл, и то из-за его стрижки. Но никакого представления ни о ком из них она себе не составила.

Ребята быстро шли по гравийной дорожке, обращиваясь взглянуть на оставшийся позади дом. Кто-то выглянул из-за оконной решётки в башенке и помахал им рукой. Зельда вежливо ответила. Это был просто-филя господин Трипп.

— А этот кекс? Как вы себе объясняете его присутствие? — спросила она сама себя, подходя к Старой Развалюхе.

Маркус задумался или по крайней мере прекрасно изобразил, что задумался, а затем выдал величавое «Кто его знает?», после чего беседа ненадолго прервалась.

Они поделили чемоданы между собой, закрыли машину и собрались уже возвращаться в дом, когда вдруг услышали леденящий душу вопль, который доносился из башенки.

— Вы слышали? — в который раз за утро спросил Маркус. Это был одиночный, ужасающий крик. И в этот раз все трое наконец и правда отчётливо всё слышали.

— Что это было?

— Ты хочешь сказать, кто это был!

Ответ пришёл на ум всем троим одновременно.

— Господин Трипп!

5

Что случилось с господином Триппом

Ребята бросили чемоданы прямо там, где стояли, и кинулись вверх по лестнице, в коридор третьего этажа.

— Маркус! Зельда! Имоджен! — воскликнули родители у двери Комнаты с Попугаем. — Вы в порядке? Где чемоданы?

— Кто кричал? — спросил Билл, распахнувший дверь напротив.

— Господин Трипп, этот гений... — ответил ему Уолкер, спуская воду в туалете. — Что он там натворил, интересно?

— Где мама? — крикнула маленькая Пенни, завёрнутая в полотенце у распахнутых дверей Комнаты с Алмазом. С её мокрых волос капала вода.

Ласло подошёл к ней, сел на корточки и заговорил самым нежным и ободряющим голосом, какой только позволял ему изобразить его Талант Хамелеона: то ли как будто заговорил большой добрый плюшевый мишка, то ли зазвучала закадровая реклама ромашкового чая.

— А что, дорогая малышка, мама не в комнате? Может, она тебе что-то сказала? Ты видела, как она уходит?

— Сказала, что выйдет на секунду, — ответила Пенни.

— До этого неприятного крика, который мы только что слышали, или после?

Стоя за спиной у мужа, Бина обратила вопросительный взгляд в сторону Уолкера и Белла, но они лишь покачали головой в ответ. Ни один из них не видел Ирину Перныковскую.

— Ладно. Кто-нибудь, позовите Кия, — сказал Ласло Интригио всё тем же нежным и шёлковым голосом, чтобы не пугать малышку Пенни.

И тут они отчётливо услышали глухой деревянный звук, который донёсся от двери Комнаты с Кроватью,

предназначенной господину Триппу. Все посмотрели в ту сторону. За деревянным звуком последовала ругань. На русском языке.

— Ирина? — спросила Бина, прислоняясь к двери. — Ирина, вы там внутри? Слышите меня? Господин Трипп? Всё в порядке?

— Я здесь! — крикнула из-за двери Перныковская пронзительным, почти дрожащим голосом. Потом дверь вздрогнула, словно кто-то дёргал её изнутри. — Но выйти не получается, проклятие!

— Что случилось?

— Думаю, будет лучше, если вы посмотрите сами... Если бы я только могла открыть эту проклятую дверь! — сказала женщина, толкая её снова и снова, но всё было тщетно. — Она заперта!

— Вы случайно не видите где-нибудь там ключа? — спросил Уолкер.

— Трипп ведь там, не так ли? Наверняка ключ у него! — вторил ему Белл.

Перныковская разразилась какой-то непотребной руганью (как и прежде, на русском), а потом так громко вздохнула, что её прекрасно слышали и по ту сторону двери.

Дальше послышалось ворчание, причитание и, наконец, узнаваемый лязг ключа, который входил в скважи-

ну и поворачивался. Мгновением позже дверь Комнаты с Кроватью открылась, и появилась госпожа Перныковская. Она была мертвенно-бледна.

— Что случилось?

— Не имею ни малейшего представления, но... — ответила она, указывая в сторону дальней стены комнаты.

— Трипп?

Ирина кивнула.

— Он там, сзади. Его...

Бина вытаращила глаза и заметила вспышку воодушевленного ужаса, мелькнувшую во взглядах Маркуса и Зельды. Она велела им не двигаться с места.

— ...его, прости, что? — спросил Билл, чеша затылок.

Перныковская направила на американца свой ледяной взгляд.

— Дверь уже открыта. Вы можете пойти взглянуть своими глазами, — прошипела она.

Затем села на корточки перед малышкой Пенни, глядя её по голове.

— Сколько раз я тебе говорила не выходить из комнаты с мокрой головой? Давай-ка, иди скорее посуши волосы.

И как только девочка вернулась в комнату, Ирина последовала за ней, предварительно поделившись с остальными гостями последней репликой.

— Я старалась как можно меньше туда смотреть... Но уверена, что зрелище так себе.

Билл и Ласло заглянули в маленькую Комнату с Кроватью.

— Ох... Это то, чем кажется? — спросил господин Интригио, подняв обе брови.

— Горизонталь, как говорят на нашем жаргоне... — кивнул Белл. — Это лицо и эта кровь на полу не оставляют никаких сомнений...

— Детииии! — крикнула Бина. — В комнату, живо! И запирайте как следует дверь!

Молодое поколение прекрасно знало: когда госпожа Интригио говорит таким голосом, лучше не спорить, и потому ворча ретировалось в Комнату с Попугаем. Когда дети оказались в безопасности, Бина в свою очередь окинула взглядом комнату господина Триппа.

— Святые угодники... — пробормотала она.

Перныковская снова возникла на пороге своей комнаты и начала свой рассказ:

— Я осмотрела свою комнату, отправила Пенни в душ и в этот момент услышала крик, который доносился из комнаты господина Триппа. Я направилась туда. Дверь была притворена, и я зашла.

— И...?

— Нашла его уже в таком виде, — заключила Перныковская.

— В каком в таком? — не выдержал Маркус из-за двери, к которой прилип, слушая разговоры взрослых. — Нам кто-нибудь объяснит?

Но никто к нему не прислушался.

— А что с дверью? — спросил Уолкер из глубины коридора.

— Только я успела оглянуться, как дверь закрылась сама собой, я уже не могла выйти...

— Значит, там должен быть какой-то хитрый механизм — либо часовой, либо с пультом дистанционного управления, — заключил Ласло.

— Конечно, если исходить из того, что слова агента Перныковской, выдающегося мастера лжи, заслуживают доверия... — ухмыльнулся англичанин.

— Не будьте дураком, Уолкер, — парировала Ирина. — Вы прекрасно знаете, что для шпиона ложь — профессиональный навык, но здесь, если я не ошибаюсь, речь не идёт о государственных тайнах.

— Кто знает! Кому-нибудь из вас известно, кто, собственно, такой этот мистер Ребус? Или, например, ммм, кем на самом деле был господин Трипп?

Все стоявшие в коридоре переглянулись. Их долгие взгляды, преисполненные подозрительности,

напоминали сцену старого детективного фильма; стояла полная тишина.

Ласло решил прервать молчание и указал на Комнату с Кроватью.

— Приятного в этом мало, но мы непременно должны как следует всё проверить... Боюсь, что это и есть та загадка, которую обещал нам мистер Ребус.

— О, этот старый негодяй не пожалел сил... Полноценное преступление, всё как полагается! — выпалил Белл.

Господа Интригио, Ирина, Уолкер и Белл снова сомкнули ряды и направились к комнате Триппа, переступили порог и остановились.

Кровать находилась слева, а напротив входа стоял маленький изящный диван в стиле ар-деко¹. На полу, за диваном, лежал несчастный господин Трипп: он был мёртв, вне всякого сомнения. С левой стороны из-за диванчика торчали ноги в холщовых кедах, а с правой виднелась голова и небольшая красная лужица вокруг неё.

Ласло покачал головой и вздохнул.

¹ Ар-деко (от фр. *art déco* — «декоративное искусство») — художественный и декоративный стиль, возникший в 30-е годы XX века. Это изысканное направление в искусстве характеризуют геометрические формы, контрасты, чёткие линии, яркие контуры, дорогие и редкие природные материалы.

— Как и говорил господин Белл, положение дел, увы, даже чересчур ясное. Боюсь, однако, что нам в любом случае придётся пойти взглянуть с той стороны, чтобы...

Господин Интригио не успел продолжить, потому что именно в этот момент по дому разнёсся раздавшийся на террасе звук гонга. Гости мистера Ребуса недоумённо переглянулись.

— Обедать ещё рано, — констатировал Уолкер, посмотрев на часы.

— Вот именно. Боюсь представить, что ещё мог выдумать этот ненормальный мистер Ребус на сей раз! — гневно воскликнул Белл.

Ласло пожал плечами.

— Что ж, пожалуй, стоит поскорее провести наш осмотр, а потом...

Но эту реплику тоже прервал новый, ещё более громкий удар гонга.

— Что за мучение! — воскликнул Уолкер. — Пойдёмте посмотрим, что происходит на террасе, сюда мы можем вернуться позже.

Эта идея показалась всем разумной, и они развернулись к выходу. Но стоило им выйти в коридор, как — БАМ! — дверь Комнаты с Кроватью закрылась у них за спиной, и щёлкнул замок. Ласло обернулся,

как гепард, и схватился за ручку, но было слишком поздно.

— Она заперта! — объявил он с видом скорее удивлённым, чем раздосадованным.

— Видали? — воскликнула Ирина. — Она опять!

Тогда Ласло вынул из кармана ключ от Комнаты с Кроватью, который ему хватило хитрости прихватить, и вставил его в скважину, — но оказалось, что это бессмысленно. Замок словно заклинило.

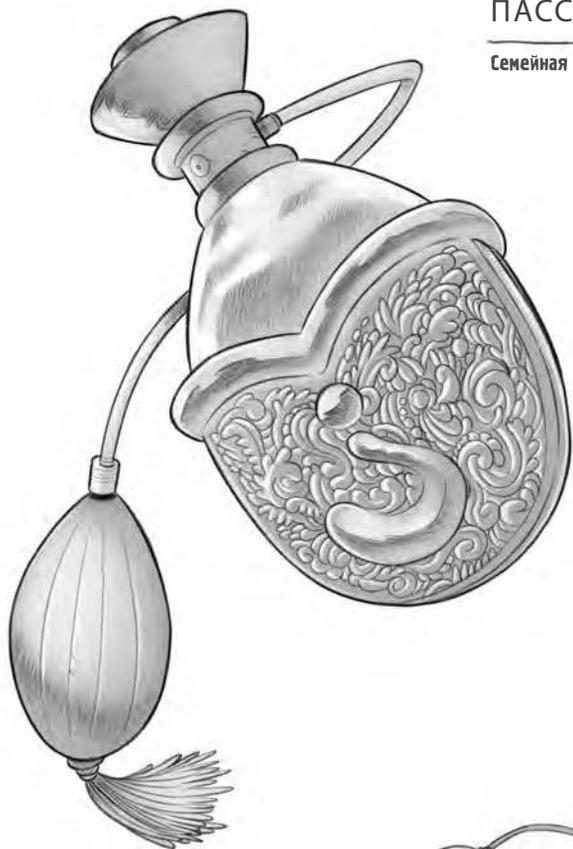
— Всё непонятнее и непонятнее! — прошипел господин Интригио, жалея, что не взял с собой Пасспарфюм — смертоносный аромат, с помощью которого прародительница Людмила Интриговна избавлялась от замков при дворе русских императоров, он же Семейная реликвия номер десять.

Зато, раз комната, в которой было совершено преступление, закрылась, молодое поколение семьи Интригио вернуло себе свободу: Бина разрешила детям покинуть комнату.

Группа гостей, снова в полном составе (вернее, почти полном, учитывая отсутствие господина Триппа), направилась к террасе. Зельда, Маркус и Иможден забрасывали родителей вопросами, но эта осада внезапно оборвалась, когда компания прибыла в пункт назначения.

ПАССПАРФЮМ

Семейная реликвия №10

Аромат РАСКРЫТЫХ тайн,
который не спутаешь ни с чем!

— Смотрите! — сказала Ирина, показывая на стол взрослых.

Посреди стола лежал гонг, а на нём — конверт с уже привычной буквой «Р» на сургучной печати.

Белл бросился к столу, схватил конверт и яростно разорвал его. Внутри оказалась записка, которую американец зачитал вслух:

Мои дорогие гости, загадка к вашим услугам.

Найдите разгадку до полуночи, и вас минуют уже известные вам печальные последствия.

Убеждён, скучать вам не придётся: вы все превосходные сыщики, и разумеется, в то же самое время... превосходные подозреваемые!

Мистер Ребус

6

КТО

подозревает

ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

*Н*а террасе светило яркое солнце, а гости, съехавшиеся провести эти спокойные загадочные выходные вместе, смотрели друг на друга с нарастающим подозрением. Пятеро членов семьи Интригио сгруппировались на углу стола. Ирина Перныковская стояла рядом с Пенни, а агенты Уолкер и Белл заняли позицию друг напротив друга, словно дуэлянты без пистолетов. В воздухе разносился шум включённой газонокосилки. Выглянув с террасы, можно было увидеть силуэт Кия:

тот, надев пару больших зелёных рукавиц и накидку, чинно вёл триммер по лужайке. Чувствовалось, что он мастер в этом деле.

— Итак? — спросил Ласло, прерывая долгое молчание.

— Итак что, господин Интригио? — откликнулся Уолкер.

— Ну, мы все в одной лодке, как сказал наш предок Павел Интрижик, севший на «Титаник», чтобы сбежать от преследовавших его кредиторов... Поэтому мне кажется, что нам лучше действовать сообща, если мы хотим разгадать эту загадку, разве нет?

— Конечно, друг мой. Но ты забываешь, что в этой же лодке сидит... убийца! — ответил Белл.

— Верно, — согласилась Бина. — Виновный будет скрываться от нас до самого конца, но если мы окажемся умнее, чем он, то рано или поздно выведем его на свет Божий, не так ли?

— Ну, лично я не думаю, что нам потребуется так уж много ума, — возразил Уолкер.

— Что?

— Подумайте сами: мы обнаружили в комнате мертвеца, и надо же: в этой же самой комнате оказалась знаменитая русская шпионка...

Обстановка в комнате накалялась.

ПАВЕЛ ИНТРИЖИК

Саутгемптон, 10 апреля 1912 г.

Семейный талант: Блестящее красноречие

— Даже не пытайтесь, Уолкер! — прошипела Перныковская. — Раз уж вы так хорошо меня знаете, то должны знать и то, что я всегда отказывалась участвовать в миссиях, связанных с насилием, потому что не выношу вида крови! И в любом случае повторю мою версию событий: я услышала крик, примчалась в комнату Триппа, и когда дверь закрылась у меня за спиной, он уже был мёртв.

— Я могу это подтвердить, — сказала Бина.

Все обернулись и посмотрели на неё.

— Я только-только вошла в нашу комнату и заметила, что оставила сумку на террасе. Так что я сходила за ней, а когда вернулась, услышала голос госпожи Перныковской. Она обращалась к дочери и говорила довольно громко. Голос доносился из её комнаты, в этом я нисколько не сомневаюсь...

— Конечно. Пенни жаловалась, что её малиновая пена для ванн кончилась, а я говорила ей, чтобы не капризничала.

— Вернувшись в Комнату с Попугаем, я пошла в ванную умыться и в этот момент услышала вопль, — закончила рассказ Бина.

— Это подтверждает, что госпожа Перныковская действительно была у себя в комнате за несколько мгновений до преступления, — прокомментировал Ласло.

— Может и так... — сказал Уолкер, разводя руками. — Как бы там ни было, я в этом доме не вижу никого, кроме нас самих, дворецкого и поварихи.

— Она-то в любом случае виновна, — проворчал Ласло. — Она убила хорошую кухню...

— Одно ясно, — сказала Ирина, возвращая разговор к его сути. — Наш хозяин, мистер Ребус, — настоящее чудовище: он прикончил невинного человека лишь затем, чтобы разыграть свою жуткую шутку!

— Ребус — отъявленный псих, в этом сомнений нет, — согласился Белл. — Но кто знает, так ли невинен был Трипп? Может, это был опаснейший преступник, скрывавшийся за маской Триппа!

— Ага... или, может, он был из спецслужб Тринидада и Тобаго.

— А они существуют?

— Не знаю. Но если существуют, то, должно быть, и вправду суперсекретные, потому что никто о них никогда не слышал.

— Я так не думаю. Он на самом деле производил впечатление человека, оказавшегося здесь случайно, — размышляла Ирина, качая головой.

— Согласен, — задумчиво кивнул Ласло. — Бедный Трипп не выглядел тем, кого что-либо связывало с нами или с мистером Ребусом.

— Он был здесь ни к селу, ни к городу... Что тут скажешь, печальная участь, — отозвался агент Уолкер.

Услышав это горькое заключение, небольшая компания снова погрузилась в молчание.

Впрочем, ненадолго: Белл как следует хлопнул себя по ноге и встал.

— Ок, друзья мои, несчастный Трипп плохо кончил, тут сомнений нет, но если мы не пошевелимся и не раскроем дело до полуночи, то можем помахать ручкой нашим с вами карьерам!

Британский коллега в кои-то веки поддержал его.

— Да, лучше начать расследование. И, как полагается при всяком расследовании, исходной точкой должно служить место преступления... Даже если придётся вышибить эту адскую дверь, которая делает, что ей вздумается!

— Хорошо сказано, господин Уолкер, — согласился Ласло, вскакивая на ноги. — Вперёд, все в Комнату с Кроватью, чтобы запустить клетки серого вещества мозга!

— Все... взрослые, — уточнила Бина, перекрывая путь двум младшим детям, которые уже бросились к коридору. — А дети тем временем могут пойти как следует искупаться в бассейне, так ведь? — добавила она, указывая на голубой прямоугольник, что виднелся в усадебном парке.

— Но мама! — сразу же заспорил Маркус.

— Ну вот... — возмутилась Зельда.

Имоджен решительно подняла большой палец вверх в знак одобрения, но Маркус и Зельда вцепились в Бину с мольбой на лице.

— Но...

— Мы...

— А ну-ка без глупостей, ясно?!? — охладила их пыл мать.

— Искупаться в бассейне — это и вправду отличная идея, — одобрила Перныковская и похлопала свою дочку по щеке. — Не хочешь ли тоже присоединиться, Пенни? Зайдём в комнату за купальником?

Юной Перныковской идея, как показалось, понравилась, и маленькая компания потянулась к коридору.

Трое юных Интригио спустились за чемоданами, бросили их на кровать и открыли, чтобы достать купальники и плавки.

— Это несправедливо! — продолжал ворчать Маркус. — Эти вечные истории про то, как семья Интригио обожает приключения, какая она особенная... А тут — образцовое преступление, расследуй не хочу, а тебя отправляют плескаться? Пффф!

Лицо Зельды тоже перекошилось от глубокой досады — она была похожа на рассерженного бульдога.

— Я прямо даже не знаю... — сказала в этот момент Имоджен. — Вы что скажете? — она показала брату и сестре два купальника одинакового кроя, синий и оранжевый. — Какой мне надеть?

— Ну Имоджен! Как ты можешь сейчас думать о купальниках? — вырвалось у Маркуса.

— Прости, а что ещё должно меня интересовать? — ответила она, разглядывая себя в зеркало.

— Ну как тебе сказать... Загадочнейшее преступление совершено в странном доме среди полей! В доме, где есть двери, открывающиеся и закрывающиеся, словно за ними призраки живут... А один из людей, находящихся здесь, внутри, — непременно убийца!

— Одной причиной больше, чтобы выйти из этого дома и как следует искупаться, тебе не кажется?

— Ну разумеется! — буркнула Зельда. — Может, мама и наши старые надувные круги в виде уточек захватила...

Девочка внезапно замолкла. Из коридора донеслись бурные восклицания и взволнованные голоса. Не успела она задаться вопросом, что происходит, как дверь в комнату распахнулась.

Это был Ласло, он улыбался и качал головой.

— Тут такое приключилось, ребята... Поверить не могу!

Маркус и Зельда уставились на него своими распахнутыми глазами, словно фарами дальнего света.

— Что стряслось!?!?

— Ну же, пап, рассказывай!

— О, всё просто... Он исчез!

— Ты это о ком, прости?

— О господине Триппе же! Пуф! Сгинул, испарился!

Новость была настолько невероятной, что даже Имоджен на мгновение отвлеклась от своих купальников.

— Но как же... Но разве он не...

— Мёртв. Мертвее некуда... И тем не менее сейчас бесследно исчез.

Бина тоже зашла в комнату со скрещенными руками и выражением удивления на лице, от которого ей никак не удавалось избавиться.

— Очевидно, что Мистер Ребус захотел предстать во всей красе... И теперь у нас две загадки по цене одной!

7

А что если *сгайна* тущается

*Т*еперь, когда самый зловещий элемент этой загадки исчез как по волшебству, Маркус и Зельда получили разрешение осмотреть место преступления, и как только это случилось, оба помчались в Комнату с Кроватью, где застали Белла, Уолкера и Перныковскую за размышлениями об этой всё более непостижимой загадке.

— Можете называть меня старомодным, если хотите, но по-моему, этот пингвин-дворецкий и есть убий-

ца, — говорил Белл. — Он увёл нас своим проклятым гонгом и тем самым выиграл достаточно времени, чтобы спрятать Триппа. А раз он взял на себя труд его прятать... выглядит очевидным, что он же и прикончил его перед этим!

— Газонокосилка, — сказала Зельда, продолжая перебирать искусственные цветы в одной из ваз.

— Чего-чего?

— Девочка права, — кивнула Ирина. — Когда мы снова вышли на террасу, Кий был в саду, траву косил.

— И не прерывался ни на секунду, — добавил Уолкер. — Он у меня прямо перед глазами был.

— Ладно... Ладно... Ладно... — твердил Белл, принявшись мерить комнату нервными шагами. — Ну а про поварику что вы мне тогда скажете?

— Ммм... На глаз я бы предположила, что она весит меньше, чем половина Триппа. Так что версия о том, что это она его спрятала, кажется крайне маловероятной, — заключила Перныковская.

— И к тому же, когда мы спускались в сад за чемоданами, то слышали в кухне грохот кастрюль. Это было за несколько мгновений до того, как раздался крик, — сказал Маркус.

— Это правда, а ещё мы снизу видели и самого господина Триппа в окне. Вон в том окне, — добавила

Зельда, сориентировавшись в пространстве и указывая вправо от себя.

— Понимаю, — кивнул Уолкер. — Ну, окон в этой комнате два, и на обоих чугунные решётки, толстые, как сосиски. Так что гипотезу об акробате-убийце, который попал сюда через окно и так же покинул комнату, мы тоже можем исключить.

— Вот же поди ж ты, какая головоломка! — вздохнул Билл Белл, сплетая руки на затылке.

— Да, но у нас ещё есть несколько часов, чтобы решить эту головоломку, — заметил Маркус, подходя вместе с сестрой к небольшому пространству, отделявшему диван ар-деко от окна.

— Верно, — кивнула Зельда. — Для начала... вы уверены, что господин Трипп лежал именно здесь? — спросила она, наклоняясь над паркетом. — Тут ни пятнышка! Нет ни крови, ни каких бы то ни было других следов...

— К несчастью, я имела ужас в этом убедиться, моя дорогая, потому что обнаружила его прямо перед собой, войдя сюда, — ответила Ирина, содрогаясь.

— И не только она, мы тоже его видели, и родители ваши тоже... Пять пар глаз не могут врать.

Зельда задумчиво кивнула и вместе со своим любознательным братом возобновила осмотр. Они задержали

лись у сумасбродной двери, но не обнаружили ничего, кроме очень массивной и сложносочинённой замочной скважины.

— Её кто-нибудь осматривал? — спросил Маркус.

— Можешь не сомневаться, парень, — ответил Билл. — Разумеется, дверь управляется скрытым механизмом... Но это первоклассная вещь, безукоризненно спрятанная! Чтобы обнаружить её, нужны инструменты и большой запас времени... А у нас, к несчастью, нет ни того, ни другого.

Ещё один вопрос без ответа, но ребята не пали духом. Зельда и Маркус осмотрели каждый сантиметр Комнаты с Кроватью, но, несмотря на подобающую семейству Интригио дотошность, ничего не нашли: никаких тайных ходов, никаких загадочных панелей, спрятанных среди полок, никакой имитации камина или люка под ковром.

Маркус обратил внимание, что стены комнаты необычно толстые, но так и не понял, что делать с таким наблюдением.

Когда брат с сестрой закончили своей подробный осмотр, Зельда Интригио поднесла руку к подбородку и торжественно произнесла одну из самых загадочных фраз в семейном репертуаре:

— Здесь сгайна тущается!

Бина и Ласло тем временем как следует обследовали одну за одной все комнаты старого дома. Делали они это на свой манер, обходя помещения бок о бок друг с другом: Ласло шёл со сложенными за спиной руками, а Бина указывала ему то на один, то на другой предмет.

Интерьер виллы Бея-Трикасс отличали сдержанность и элегантность. Это была превосходная квинтэссенция прованского стиля, которым много лет пестрили многочисленные страницы журналов для богачей. Старинные сундуки в коридоре (они открыли их: всюду пусто), впечатляющая библиотека с древними фолиантами, персидскими коврами и старым глобусом, две небольших гостиных с просторными диванами (они опробовали оба: удобные), низкими столиками, заваленными массивными альбомами по искусству, которые никто никогда не листает, передвижной бар с маленькими стаканами и старыми бутылками (— Ух ты! — сказал Ласло, углядев бутылку Шарм-Шамбертена 1964 года, которую Бина, впрочем, не позволила ему открыть), работы современных художников, развешенные без рам на стенах, выкрашенных в светло-голубой цвет, и более старинные картины в красивых позолоченных рамах.

Там был большой обеденный зал с видом на сад, белой скатертью и плетёными стульями. Стол был накрыт на девятых, и карточки с написанными от руки именами гостей уже лежали на положенных местах. И, конечно, кухня, где мадам Эвтерпа изготавливала эмульсии и хитроумные свежавыжатые соки из продуктов, о которых Ласло и слышать не желал. А ещё была комната, запертая на ключ, — она находилась точно под той, где было совершено преступление. Но ни один известный Ласло приём из репертуара взломщиков не сработал, а когда он попытался просто вышибить дверь, то чуть не вывихнул себе плечо.

— Мы с тобой ещё встретимся, дорогая моя запертая дверь! — прошипел господин Интригио, прежде чем вернуться к обследованию дома.

Затем Ласло и Бина внимательно изучили изящную лестницу, облицованную мрамором с прожилками, террасу, где им уже доводилось бывать, и наконец небольшой кабинет — несколько запустелый, но сохранивший своё очарование: благодаря эркере он был прямо-таки залит солнечным светом. На его единственной стене без окон господина Интригио обнаружили произведение современного искусства мягко говоря необычного вида.

— А это что? — сказала Бина. — Оно похоже на...

— Пятнашки! — выпалил Ласло, тараща глаза.

Работа и в самом деле представляла собой раму из чёрной лакированной древесины, внутри которой помещались пятнадцать квадратов, сделанных из одинакового материала, которые можно было сдвигать как по горизонтали, так и по вертикали.

Она действительно напоминала гигантскую версию старой головоломки: только на деревянных квадратах были не числа от одного до пятнадцати, а мешанина из букв, начертанных золотым лаком.

— Буква М, буква J, две U, две S, две N, буква G, несколько букв E... — бормотал Ласло, замороженный этим необычным предметом.

— Эта работа — загадка! — воскликнула Бина, вздрагивая.

— Она не в твоём вкусе? — ответил ей Ласло, крутя ус. — А я, однако же, нахожу, что...

— Да нет же, дорогой, я не это имела в виду! Я хочу сказать, что...

Вместо того чтобы объясняться словами, леди Интригио принялась двигать отполированные до блеска квадраты в раме с видом человека, который предельно точно знает, что делает.

Несколько минут спустя Ласло смотрел на жену сияющими от восхищения глазами. Ловкими движениями

рук Бина переставляла квадраты с золотыми буквами так, что получались французские слова.

JE...

SUIS...

UNE...

Остаётся сдвинуть пару квадратов, и вот уже последнее слово складывается на глазах: ENIGME.

— *Je suis une énigme*, я — загадка! — восхищённо перевёл Ласло.

В тот самый момент, когда Бина разгадала эту головоломку, раздался слабый, еле слышный щелчок. Господа Интригио оглянулись в ожидании какого-нибудь сценического хода, но... ничего не произошло.

— Ещё одна шутка мистера Ребуса, — вздохнула Бина.

— Боюсь, что да, моя дорогая, — согласился Ласло, пожимая плечами. Им ничего больше не оставалось, как покинуть кабинет с лёгким разочарованием на лицах и подняться на верхний этаж башенки — единственное место в доме, которое они ещё не успели осмотреть.

8

А куда ведёт эта дверь

— Эй! Слышала? — спросил сестру Маркус.

— А, тебе опять какой-то шум мерещится? — фыркнула Зельда из своей раздевалки.

Маркус скрестил руки, немного обидевшись, что сестра не ценит по достоинству необыкновенную остроту его слуха.

Дети в конце концов решили, что немного поплавать полезно, чтобы насытить мозг кислородом и плодотворнее работать над двойной загадкой о господине

Триппе. Поэтому, закинув на плечо по халату, они дошли до старого сеного сарая, в котором были обустроены раздевалки.

Маркус только-только надел плавки, когда услышал механический и в то же время нежный звук: тот характерный тлик-тлок, который издают, срабатывая, механизмы и замки. Он вышел из раздевалки, думая, как отомстить сестре, но тут же забыл о своей цели. Потому что заметил кое-что интересное.

— Сестра?

— Ну что ещё? — сказала Зельда, возясь с перепутавшейся двойной резинкой купальника. Она с трудом просунула в него голову, затем руки, как следует оправила его и только после этого тоже вышла из раздевалки.

— Маркус? Да что с тобой такое?

Она обнаружила брата перед прямоугольным отверстием — небольшой дверцей, открывшейся там, где до этого не было видно ничего, кроме грубоватых деревянных панелей, облицовывавших стены сарая. За дверью оказалось совсем темно.

— Ого! — сказала Зельда.

— Вот именно, ого, — кивнул Маркус. — И да, теперь тебе тоже слышно: оттуда и правда идёт какой-то шум, который мне мерещится.

В самом деле, ближе к двери действительно слышалось отдалённое жужжание, напоминавшее звук работающих механизмов.

— Как ты думаешь, что это?

— Ммм... наверное, это помещение, где хранятся фильтры для бассейна, насосы для откачки воды и всякие такие вещи... — предположила Зельда.

Бассейн и правда был совсем рядом. Может, оно и так, подумал Маркус. И всё же...

— Но она была спрятана в стене! И замаскирована идеально... Какой смысл в такой секретности для... ухода за бассейном?

— Хорошо, брат, на этот раз ты прав. На тысячу процентов, — признала Зельда. — Взглянем, что там?

— Ладно. Только ты держи Дьявольский Свисток наготове, договорились?

— Думаешь, это опасно?

— Не знаю, но...

Не закончив говорить, Маркус робко переступил порог и тут же подскочил от страха.

ФЛА-ФЛА-ФЛАК!

Сработал датчик с фотоэлементом, и перед ними зажёгся длинный ряд неоновых светильников.

— Это не комната, Зельда! — воскликнул Маркус. — Это подземный коридор!

Десять высоких ступенек привели их вниз. Там действительно стояли гудящие гидравлические насосы и бежали вдоль потолка большие трубы.

— Осторожно! — вскрикнул Маркус, сделав несколько шагов.

На земле было красное пятно величиной с монету. Которое вполне походило на... кровь.

Они не успели нагнуться, чтобы рассмотреть получше, потому что коридор внезапно снова погрузился во мрак. А тайная дверь, через которую они зашли, с коротким скрипом громко захлопнулась у них за спиной.

- Маркус!
- Зельда!
- Я здесь!
- Я тоже!
- Тут совсем темно!
- Я вижу!
- Темно же!
- Дурак!
- Ты в порядке!
- Я да, а ты?
- Что будем делать?

Они остались один на один с гулом машин и ужасным чувством, что на земле повсюду пятна крови,

ДЬЯВОЛЬСКИЙ СВИСТОК

Семейная реликвия №32

Кто сказал, что врага
можно оглушить только
в драке? Иногда достаточно
и ДУНОВЕНИЯ...

на которые им ни за что на свете не хотелось наступать, особенно в шлёпанцах для бассейна.

— У нас есть фонарик? — спросила Зельда.

— Я всегда ношу его с собой, в кармане штанов!

— Молодец, братик!

— Но штаны-то не на мне!

— Ну конечно...

— У тебя ничего?

— У меня Дьявольский Свисток!

— Боюсь, толку от него мало!

— Может, если мы свистнем, за нами придут...

— А может, и нет. Мы же под землёй!

— Ну что... пойдём вперёд?

— Да. Дверь, откуда мы вошли, закрыта, так ведь?

Но ведь этот коридор куда-то должен вести, тебе так не кажется?

— Не знаю.

— Это же ты умеешь двигаться в темноте, как пантера, сестричка.

— Над этим я ещё работаю, по правде говоря... — поправила его Зельда. — Я умею двигаться бесшумно, когда вижу, что вокруг! А в темноте пока нет.

Маркус обошёл вокруг неё и взялся за её плечи руками.

— Сгодится и это. Иди ты первая.

— Руки вытянуты вперёд, ладони как следует раскрыты. И идём потихоньку. Хорошо?

— Хорошо.

— А если что-то услышишь...

Маркус улыбнулся в темноте. Сейчас он наконец может это сказать.

— Если услышу что-то, скажу тебе. А ты согласишься.

— Обещаю. — Зельда сглотнула. — Пойдём?

— После тебя, сестричка.

9

ГНИЛЬЁ ММ ТАЙНА

*У*му непостижимо, как мало способны разговаривать друг с другом два секретных агента, гуляющих по парку. Агенты Уолкер и Белл плечом к плечу ходили по лужайкам и аллеям Беля-Трикасс уже добрых полчаса, но ничего значительного этот осмотр всё не приносил. Они не обнаружили ни лабиринтов, ни изгородей, ни загадочных флигелей, ни кроличьих нор, которые вели бы в зачарованные миры. Зато видели массу деревьев, цветочных ваз, тропинок, усыпанных галькой... А ещё нашли пруд с неизбежным

мини-водопадом и одиноким лебедем на берегу, который на самом деле оказался всего-навсего неприглядной статуей даже без клюва. Дом, разумеется, тоже стоял на месте, со своей башенкой, отремонтированным сенным сараем и бассейном, у которого юная мадмуазель Имоджен Интригио, целиком погружённая в свой собственный мир, протянувшийся от правого наушника до левого, принимала солнечные ванны.

Агенты видели, как она встаёт и лениво направляется к воде, опускает туда ногу и застывает на месте с телефоном в руке, не решаясь, какой плейлист выбрать.

Белл и Уолкер прошли было мимо, намереваясь получше присмотреться к усадебной ограде, но вдруг услышали звуки брызгающей воды, а за ними — удивлённый крик:

— Вот это да! Ничего себе мощь!

В мгновение ока оба агента оказались у края бассейна, и оба, сами того не заметив, уже сжимали по маленькому пистолету. Осознав это, они тут же поспешили сунуть пистолеты обратно в карманы.

— Что случилось? — спросили агенты у Имоджен.

— А я знаю? То есть... Я только знаю, что внезапно со дна бассейна всплыло... это!

Она показала на большой надувной шар, который всё ещё скакал среди лежаков у края бассейна. По правде

говоря, скакал этот странный мяч очень необычно, и стоило Уолкеру поймать его, как он тут же понял, почему.

— Тут внутри что-то есть!

— Точно!

Белл принял резиновую сферу из рук коллеги, без лишних церемоний искромсал её складным ножиком и извлёк маленький странный предмет, по форме напоминавший конус, по материалу — мрамор, с резьбой в основании, как на цоколе у лампочки.

— А это ещё что за штука? — спросил американец, вертя предмет в руках.

— Хм, это, я полагаю... ну... пожалуй... — отозвался англичанин, явно не имевший об этом ни малейшего представления.

Имоджен охватило любопытство, и она тоже подошла поближе.

— Можно я взгляну?

— Конечно, девочка, — кивнул Белл, передавая ей загадочную вещь.

Имоджен немного повертела её в руках, весело улыбаясь, а затем отдала обратно американцу.

— Разве не похоже на клюв? Гуся, например, или...

— ...лебедя! — воскликнули Белл и Уолкер в унисон.

Обоих словно током ударило: они мигом обернулись в сторону пруда в глубине сада.

— Спасибо за наводку, юная Интригио! — воскликнул Белл, отдавая честь.

А затем Иможден не без некоторого удивления увидела, как они рванули с места и побежали к пруду.

Белл — он был помоложе и поспортивнее английского коллеги — прибежал первым и сразу же вкрутил клюв в статую лебедя. Он прекрасно подходил, и когда американец закончил последний оборот, со дна пруда послышался глухой металлический звук.

СКА-КЛОНГ!

— Смотрите! Вода убывает! — воскликнул Уолкер.

В самом деле, было очевидно, что на дне искусственного пруда, должно быть, только что открылись сточные трубы, и илистая вода вытекала по ним с громким засасывающим звуком.

— Фу, гадость! — воскликнул агент Уолкер.

От мелевшего пруда сильно воняло тиной и гнилыми водорослями.

Маленький водоём опустел всего за тридцать секунд, и в конце концов на противоположной от статуи лебедя стороне показалась каменная стена, покрытая водорослями, посередине которой находился вход в небольшой туннель.

— По-вашему, это то, что я думаю?

— Прогнивший зловонный коридор?

— Прогнивший, зловонный и... тайный!

— Да. Именно так.

Они ещё подождали, пока вся тинистая вода стечёт до конца, и спустились в искусственный водоём, превратившийся в илистый кратер.

— Он довольно большой, — заметил Белл, обращая внимание, что в туннель войти несложно, достаточно немного наклониться.

— Да, это так.

— И что же?

— Я бы сказал, что это очень похоже на очередную придумку мистера Ребуса!

— Точно... А теперь нужно пойти посмотреть, что там внутри. Кто заходит первым?

— Бросим жребий?

— У меня есть монетка, если вам угодно.

Агент Уолкер положил её на ладонь.

— Голова королевы.

Белл поставил на другую сторону и проиграл.

— Вы выиграли! Вы можете войти первым! — сказал он коллеге.

— Эээ, по правде говоря... — Уолкер колебался. — Ах, ну его к чёрту, пойду, а то ночевать здесь придётся! — И он исчез под сводом туннеля, с которого сочилась вода.

Белл, хихикая, последовал за ним.

— Знаете, чему нас обучили вторым делом на курсе шпионажа? Никогда не соглашаться на жеребьёвку с помощью английского пенни.

Уолкер что-то пробормотал, включил маленький карманный фонарик и поводит им по внутренностям туннеля.

— И почему же вы на это пошли, в таком случае?

— Потому что первым делом нас научили никогда не заходить в секретный ход с английским агентом за спиной!

— Очень смешно, — отозвался Уолкер тоном, который говорил ровно противоположное. — Ну а теперь, если вы не возражаете, я бы попытался узнать, что же мистер Ребус спрятал в этом отвратительном месте!

10

Что таится в темноте

*М*аркус и Зельда застыли в тот же миг, когда услышали, как течёт по трубам вода. Грохот был такой, словно стадо буйволов несётся во весь опор.

— Что-то происходит... — пробормотала девочка.

К этому моменту они прошли не меньше сотни метров в темноте, под землёй, в относительной тишине; затем вода в трубах словно обезумела. Коридор вибрировал, а какие-то из таинственных машин, стоявших перед ними во мраке, сотрясались механической дрожью, производя очень грозное впечатление.

Продолжая держаться за руки и полагаясь на чувствительность Зельды и тонкий слух Маркуса, два юных Интригио добрались до противоположного конца коридора, где нашли ещё десять ступенек вверх, копией тех, которые остались у них за спиной.

— Остаётся только надеяться, что там наверху не закрытая дверь, — сказала Зельда.

Пока его сестра поднималась, Маркус в который раз оглянулся. Было в этом коридоре что-то странное, какие-то тихие звуки, совсем не похожие ни на шум механизма, который доносился до него сверху, с лестницы, ни на гудение проложенных под потолком труб. Если бы он доверился инстинкту, то сказал бы, что там внизу, кроме них, был кто-то ещё.

Но он не стал этого говорить, а только содрогнулся от ужаса.

Тем временем Зельда, поднявшись по ступенькам, обнаружила маленькую дверь, точь-в-точь такую же, как та, через которую они вошли. Она нащупала ручку, схватилась за неё, помолилась дюжине всевозможных богов и только тогда повернула: дверь сразу же поддавалась её нажиму. Открыто!

Зельда заглянула в помещение, напоминающее кладовую: это был полуподвал, и свет туда проникал через низкое занавешенное окошко. Посреди

комнаты стояла огромная железная клетка, доходившая до потолка, а в ней девочка увидела большое хитроумное приспособление, напоминающее двигатель, и толстые стальные тросы. Уж не лифтовая ли это шахта...

Маркус схватил её за руку, пока она не зашла в этот таинственный полуподвал. Он смотрел на неё вытаращенными глазами, бледный, как привидение.

— Там кто-то шёл... — прошептал он ей, — за нами. Я слышал кашель! — добавил он, дрожа мелкой дрожью в одних плавках.

— Ты уверен? — шепнула в ответ Зельда, не сходя с порога. Дьявольский Свисток оказался у неё в руке словно сам собой.

— Зажми-ка уши покрепче, брат! — прошипела она.

Как следует обхватив Дьявольский Свисток губами, она приготовилась защищаться от его убийственной трели. За секунду до того, как её руки опустились на уши, Зельда услышала, как кто-то чихнул.

Резкое, короткое «апчи». Так чихают маленькие девочки.

— Пенни? Это ты? — прошептала она.

— Ну вот... Вы меня засекли!

— Что ты там делала за нами? Сказать трудно было?

— Вы так подозрительно выглядите...

— Подозрительно? Мы? — Маркус расхохотался. — Да мы даже не знаем, где мы сейчас!

— Кстати: где мы, как думаешь?

Все трое вместе переступили порог и осмотрелись: они оказались в просторной кладовке, вокруг были обычные вещи, которые можно найти в любом подобном месте, а именно: старое барахло, большие и маленькие винные бутылки и так далее. Ещё там находились деревянные ящики, нагромождённые друг на друга в углу, а на одной из стен высокой клетки — блок управления, совсем как у лифтов, с двумя кнопками.

— Что это такое, как думаете? — спросил Маркус, нажимая на кнопку, чтобы посмотреть, что будет. Большой двигатель принялся бормотать, а стальные тросы пришли в движение, но через несколько секунд остановились.

— Что бы это ни было, не трогай больше, ладно? — взмолилась сестра. — Не хватало ещё, чтобы ты его испортил раньше, чем мы поймём, зачем он нужен! Лучше... давай найдём способ выбраться отсюда?

— Да, здесь внизу отвратно! — воодушевлённо откликнулась Пенни. Ей не терпелось продолжить приключения.

Вся троица принялась искать в этой комнате что-нибудь похожее на дверь, проход или туннель...

Пенни Перныковская продемонстрировала: хоть она и совсем малышка, храбрости ей не занимать, и залезла на гору ящиков. Там девочка осмотрелась.

— Тебе оттуда что-нибудь видно? — спросил её Маркус.

— Нет, зато... я слышу мою маму! И ваших родителей тоже, — ответила Пенни.

— Что?!? — в один голос воскликнули брат и сестра Интригио.

— Да, говорю вам, я слышу их голоса тут над нами! — настаивала девочка, тыча пальчиком в потолок.

Маркус с Зельдой быстро переглянулись, а потом и сами вскарабкались по ящикам, словно пауки, и мигом очутились рядом с Пенни.

Там, на вершине, они тут же убедились, что дочь Ирины права: да, доносившиеся сверху голоса звучали глуховато и шли издалека, но принадлежали они, вне всякого сомнения, Ирине и их родителям!

Ещё раз быстро переглянувшись, брат и сестра Интригио заорали во всю глотку:

— Мамааа?

— Папааа?

— Вы нас слышитее?

Ирина Перныковская не стала терять времени. Она собрала все ключи у гостей виллы Беля-Трикасс и обошла их комнаты одну за другой, начав с той, где оставились её коллеги Уолкер и Белл.

В обоих помещениях она обнаружила очевидные признаки хронического мужского беспорядка, но за вычетом одного ей показалось, что всё на месте. Чемоданы она трогать и не подумала, поскольку среди секретных агентов как-никак действует этический кодекс: личные вещи неприкосновенны, если только приказ не предусматривает обратное.

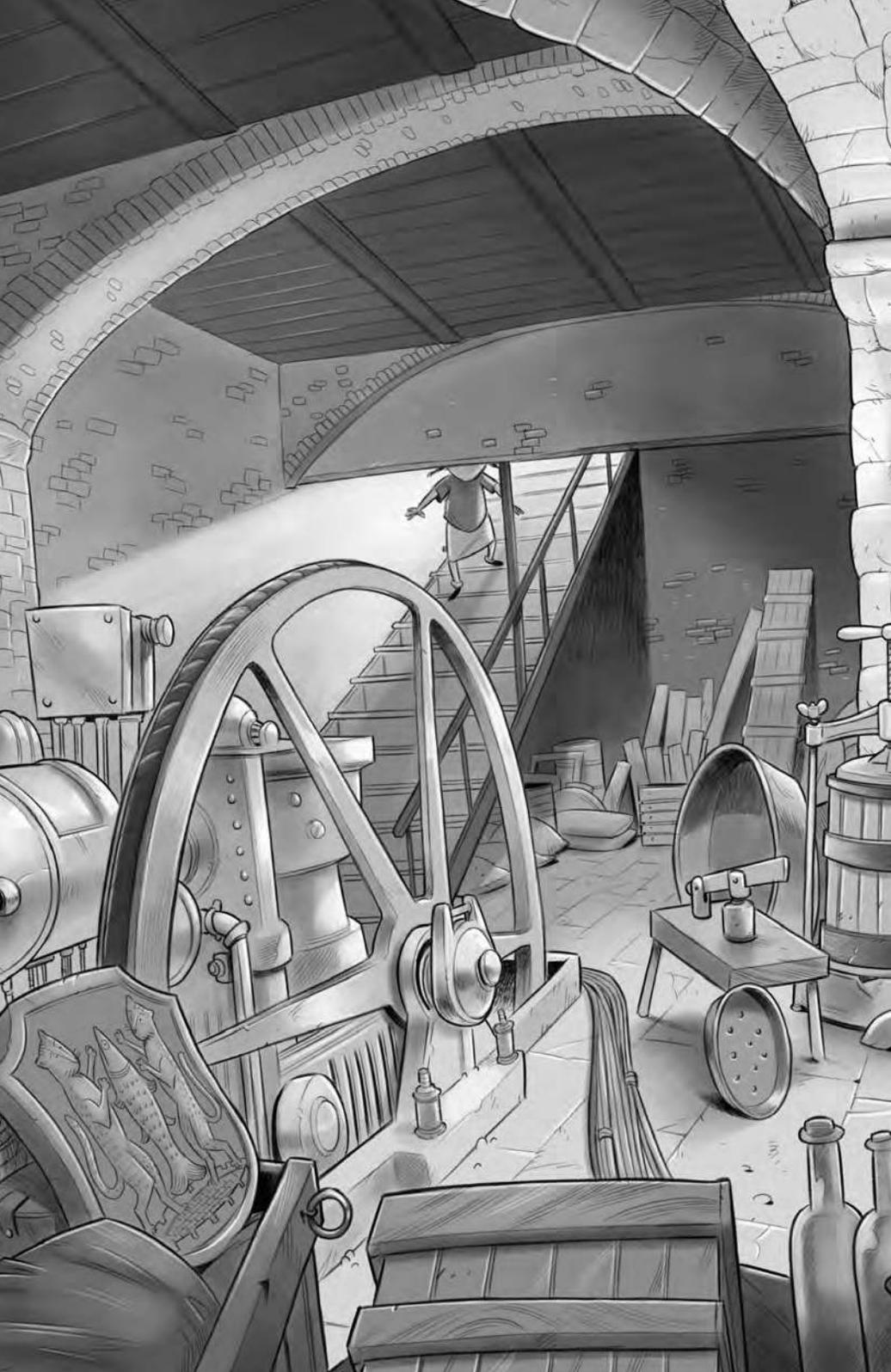
Затем она перешла в комнату Ласло и Бины, тут же мысленно похвалив госпожу Интригио за выбранный аромат — убедительно-таинственный, как и она сама. Открыв дверь рядом с кроватью, Ирина оказалась в детской. Вот уж где не было никаких оснований что-либо подозревать насчёт содержания чемоданов: оно было разбросано повсюду, от кроватей до маленькой ванной.

Наконец ей оставалось глубоко вздохнуть и снова войти в Комнату с Кроватью. Оказаться на месте преступления.

Она решила не затягивать и сразу же направилась к дивану ар-деко, за которым обнаружила господина Триппа... И поняла, почему Зельда Интригио так недоумевала.

Пятно крови исчезло полностью. Как будто его там никогда и не было. Ирина набралась смелости и села на корточки, чтобы снова проверить паркет: он был безупречен.

Но ведь пятно там было, она его видела, чуть в обморок не упала! Кто его отмыл? Дворецкий? Повариха? Призрак? Или может быть... мистер Ребус? А ведь сама комната казалась такой обычной и спокойной... Перныковская открыла ближайшее к себе окно, посмотрела на решётки и ощупала их одну за другой: крепкие и прочные. Оттуда никак не пролезть. Она изучила все стены, сантиметр за сантиметром, простучала их кончиками пальцев, но нигде не услышала подозрительных отзвуков. Паркет был тонкий и скрипел, но выглядел совершенно обычным для старого дома. Тогда она занялась стоявшими в комнате предметами: там были книги, статуэтки из алебаstra, вазы, пара небольших гравюр на стене... Ничегошеньки! Эта комната казалась триумфом наибанальнейшей обыденности. Перныковская перешла к кровати. Она внимательно осмотрела матрас, но это был всего лишь матрас. Мягкий и удоб-

ный. Приподняв благоухающие лавандой простыни, а затем мягкую подушку... она ничего не нашла, как и прежде. Оставался один только потолок, и Ирина сочла, что лучший способ изучить его — лечь на кровать. Она положила голову на подушку (и удостоверилась, что потолок ничем не примечателен, как и вся остальная комната), и в этот момент раздался звук.

Резкое «кляц!», от которого она мгновенно села в кровати.

Ирина была уверена, что звук донёсся из стены, от маленького книжного шкафа.

Бззз!

А теперь что? Одна из гравюр на стене принялась... гудеть!

Ирина бросилась к ней, но гравюра соскочила на пол, как будто верхняя часть рамы вытолкнула её.

Перныковская подняла гравюру с пола, подумав, как всё это напоминает ей знаменитую проделку художника Бамси: это было довольно тривиальное изображение сцены из греческих мифов, «Одиссей и Полифем». Она перевернула её и подскочила от удивления.

Потому что на обратной стороне кто-то наклеил три больших буквы, вырезанные из газетного заголовка.

— БОТ, — прочла Ирина.

БОТ? Но что же это значит?

И в этот самый момент вся комната словно начала куда-то проваливаться, только очень мягко, как будто в странном, очень странном сне. Вот только это был не сон!

Комната с Кроватью, как гигантская кабина лифта, и в самом деле опускалась вниз. Дневной свет исчез на несколько секунд и затем вернулся, когда спуск завершился мягким и пружинистым приземлением.

Но Ирина Перныковская была сыта по горло выходами мистера Ребуса, и как только Комната с Кроватью снова стала обычной комнатой и пришла в полную неподвижность, рванулась к двери.

Распахнув её, она наткнулась на Ласло Интригио, который держал в руках пару шпилек для волос, и его супругу Бину, стоявшую у него за спиной.

— Госпожа Перныковская! — воскликнул Ласло, подпрыгивая от удивления. — Что вы делали там внутри, запершись на ключ? Я как раз вернулся, чтобы попытаться взломать замок!

— Запершись на ключ? Я не... впрочем, нет смысла вам рассказывать, всё равно не поверите. Зайдите и посмотрите своими глазами, — сказала она, отходя в сторону и приглашая господ Интригио войти.

— Вот это да! Да ведь это точь-в-точь комната господина Триппа! — отметил Ласло.

— Не точь-в-точь, господин Интригио... Это и есть комната господина Триппа! — с решимостью в глазах ответила Ирина.

— Госпожа Перныковская, не усугубляйте своё и без того непростое положение, — предупредил её Ласло, мрачней. — Видите ли, это первый этаж, а эта комната только что была заперта на ключ, как и та, в башенке наверху, так что...

— Ласло! — перебила Бина, хватая его за руку. — Не знаю, как такое может быть, но... Ирина говорит правду!

— Что?!?

— Ты же знаешь, у меня безупречная фотографическая память... Смотри же: вон на той вазе маленький скол, там внизу уголок ковра свернулся, а в этом углу потемнел паркет, — показывала Бина, направляя взгляд супруга в разные точки комнаты. — Это три детали, на которые я обратила внимание в комнате Триппа. Какова вероятность, что в точности те же самые детали повторяются в двух разных комнатах?

— Практически ничтожная, — ответила Перныковская. — Прислушайтесь к своей жене, господин Интригио. И, если желаете, сходите проверьте верхний этаж. Спорим, сейчас на ключ закрыта дверь Комнаты с Кроватью?

Ласло посмотрел в глаза сначала Ирине, потом своей жене, понимающе перемигнувшись с последней, и стремительно выбежал из комнаты — когда он вернулся, не прошло и минуты.

— Она была права. Теперь на ключ заперта комната на втором этаже. Сложив два и два, я думаю, это может означать только одно...

— ...что башенка виллы — на самом деле гигантский лифт! — опередила его Бина.

— Именно так. И что комната, где совершено преступление, — не что иное, как кабина этого невероятного лифта, — добавила Ирина. — Мне посчастливилось обнаружить это только что, когда треклятая комната опустилась этажом ниже!

Ласло стоял, вытаращив глаза и уперев кулаки в бока, размышляя об этом невероятном открытии и спрашивая себя, какое ещё экстравагантное чудачество ждёт его в этот нелепый денёк. Ответ настиг его уже через несколько секунд... из-под земли, которая внезапно заговорила. Голосами отдалёнными и приглушёнными, но несомненно принадлежавшими его детям — Маркусу и Зельде!

— Мамааа?

— Папааа?

— Вы нас слышитее?

Спальня

— Вы это тоже слышите? — спросил агент Уолкер, двигаясь наугад в темноте.

— Мышиную возню?

— Нет. Вот этот вот... грохот.

— Подождите. Не двигайтесь... — Голос Белла внезапно изменился. — Ещё как слышу, чёрт побери! Скорее! Назад!

— Это же вода, дааа?!? — успел крикнуть Уолкер.

Ревущий поток воды подхватил обоих и вынес наружу, в ложе пруда, где они отбили себе все бока и некоторое время барахтались в тине, пытаясь выбраться.

С Белла ручьём текла вода. Смеясь, он взял агента Уолкера за локоть и помог ему встать.

— Ну и остряк же он, этот наш мистер Ребус... — сказал он, продолжая хохотать.

— Что в этом такого весёлого, позвольте узнать? — спросил англичанин.

— Ну как же, разве вы не видите? Вот это! — ответил Белл, показывая на другой надувной шар, выплунутый мощнейшим потоком воды из туннеля вместе с двумя агентами. Внутри этого шара тоже что-то было.

— На сей раз моя очередь! — воскликнул Уолкер. То и дело поскользываясь на илистом дне, он добрался до шара и с заметным удовольствием разодрал его кончиком ключа.

— Очередной треклятый конверт, — прокаркал он, доставая его из уже сдувшегося шара и энергично открывая.

— СВАН?!? — прочёл он. И показал Беллу записку с четырьмя буквами, напечатанными красивым орнаментальным шрифтом: SWAN, по-английски «лебедь».

— Очевидно, что это подсказка, которую мистер Ребус пожелал нам подкинуть! Зная его, можно предположить, что за ней кроется какая-то загадка, так что нам понадобится немного поразмыслить об этом.

— Нет, — не согласился с ним Уолкер. — Что нам сейчас нужно, так это хороший душ!

11

А если
Это всё-таки
был дворецкий

Зельда, Маркус и Пенни прокричали из подземной кладовой, как их найти: по счастью, родители у них были как раз из тех, что способны достать детей из-под земли за пару минут. Они прибежали к сараю, где Бина тут же нашла тайную дверь, а Ирина вышибла её мастерским ударом кунг-фу. Осталось лишь пробежаться по длинному коридору, и вот уже родители обнимают своих детей.

- Вы посмотрите на эту клетку!
- А приборная панель!

— Надо же! Всё именно так, как мы думали...

— Да! Лифт!

— Комната господина Триппа, ходящая по башенке вверх-вниз... Невероятно!

— Там в коридоре пятна крови, знаете?

— Я их тоже заметил.

— А Уолкер и Белл? Куда они подевались?

Все говорили одновременно и путано, перебивая друг друга; немного успокоиться им удалось только на террасе. Здесь Бина раздала всем бокалы с щедрой порцией водяного шампанского, и они расселись, чтобы попытаться свести всё воедино.

— Так значит, если комната Триппа ходит вверх-вниз по башенке, значит... — начал Маркус.

— ...когда некто ударил в гонг, и мы помчались на террасу, тот же самый таинственный некто мог затем запустить лифт, чтобы комната спустилась на первый этаж, — предположила Ирина.

— Точно, — согласилась Бина. — А там, всего в двух шагах от двери, есть служебный вход, ведущий прямо к сенному сараю. Быстренько протереть пол — и вуаля. Убийца уходит без помех, унося с собой тело Триппа.

— Ага! — сказала Зельда. — А в сарае дверь в секретный ход, где мы видели пятна крови!

— Значит, именно так наш загадочный некто избавился от тела господина Триппа, — рассудила Ирина.

— В самом деле, всё вроде бы сходится, — с блеском в глазах подтвердил Ласло. — А потом таинственная рука снова запустила лифт из подвала, подняв комнату обратно на второй этаж, и тем самым довела жуткий фокус до логического завершения.

Едва господин Интригио закончил, как на лестнице показались два ужасающих силуэта, с которых ручьём лилась грязь, перемешанная с липкими тёмными водорослями.

— Какой это фокус? — спросил один из силуэтов.

— Да. О чём это вы беседуете? — эхом отозвался второй.

— Уолкер?

— Белл?!

— Что с вами стряслось, чёрт возьми?

— О, поверьте, ничего более нелепого со мной в жизни не случилось... — начал было американец.

Но Ласло вскочил на ноги и прервал его:

— Ещё как верим, Белл. Вот только, видите ли, нам тут тоже нелепиц хватило по уши. Более того, абсурда набралось столько, что, если обдумать всё произошедшее, полагаю, останется лишь один возможный вывод... А потому прошу всех за мной, если не воз-

ражаете! — С этими словами он протиснулся между женщинами, детьми и двумя насквозь промокшими агентами, спустился этажом ниже, в обеденный зал, и яростно зазвонил в серебряный колокольчик, стоявший посреди стола.

Не прошло и минуты, как из ведущей на кухню двери показался Кий с серебряным подносом и бутылкой воды.

— Игра окончена, Кий! — воскликнул Ласло, принимая характерный вид великого сыщика в заключительной сцене детективного фильма. — Можете сказать своему шефу и сообщникам, что мы всё раскрыли!

— В самом деле, сэр? — спокойно ответил Кий. — Я был бы счастлив это сделать, если бы мог, но, к несчастью, не имею ни малейшего представления, как.

— Кому вы пытаетесь лапшу на уши навешать?

— Вам, сэр, если вы голодны. Я слышал, вы звонили.

— Яростно бил в колокол, если быть точным. Но вызвал я вас не ради тарелки дурацких макарон, а чтобы сказать вам, что... мы всё поняли!

— Будьте любезны пояснить господин Интригио, что именно вы поняли? — спросил Уолкер, не терявший своего британского апломба даже будучи покрытым вонючим илом.

— Вот именно, сэр... Что вы поняли?

— Что вы сообщник мистера Ребуса! И что пока ваш двойник пытался сбить нас со следа и косил траву в саду, вы запустили в башенке лифт, опустили Комнату с Кроватью на первый этаж и спрятали тело господина Триппа. Того самого господина Триппа, которого вы незадолго до этого убили!

— Боюсь, что не понимаю, сэр, но звучит это очень увлекательно... совсем как детективный роман великой Пенелопы Флимзи, — с абсолютным спокойствием ответил Кий.

— Ерунда! Тайна раскрыта! — прорычал Ласло.

— Вот оно как?

— А то!

— Что ж, я никогда не осмелился бы противоречить вам, сэр. Ну-с... какие будут указания по поводу обеда?

—обеда? Да вы вообще о чём?

Лицо Кия исказила гримаса сожаления.

— Видите ли, сэр... Я вынужден признаться вам, что ни я, ни мадам Эвтерпа не знаем практически ничего. Мистер Ребус, которого вы называете моим шефом, — в общем, как вам сказать... я даже не знаю, кто это. Он мне заплатил, хорошо заплатил, чтобы я поработал здесь два дня, но кроме адреса и немногочисленных иных указаний, которые я получил в письменном ви-

де... к сожалению, я и в самом деле не знаю ни черта, простите за выражение. Гонорар предложили отличный, а времена сейчас такие, что берёшься почти за любую работу. Я ожидал, что будет нечто весьма экстравагантное, и, насколько доступно моему пониманию, не ошибся... В любом случае, я знаю лишь, что до обеда пятнадцать минут, сэр.

— Вот как, в самом деле? — сказал Ласло, пострел на часы.

— Уже четырнадцать.

Ласло уставился в глаза лакею, выполняя, быть может, лучший из своих знаменитых Взглядов Пытливого Филина за всю историю.

— Итак, вы хотите убедить меня, что ничего не знаете о том, что случилось в этом доме?

— Всё, что я знаю, сэр, написано на этом листочке, — сказал дворецкий, протягивая Ласло клочок бумаги.

— Одиннадцать ноль-ноль, маленький фуршет на террасе. Одиннадцать пятнадцать, чтение приветственного послания и вскрытие конверта. Тринадцать тридцать, обед. Пятнадцать тридцать, отъезд.

— Отъезд? — спросил Ласло. — Это куда же?

— Домой, к примеру? — ответил вопросом Кий.

— Хм... — пробормотал Ласло. Но правда была в том, что, как ни печально было это признавать,

в глазах Кия Пытливый Филин увидел полнейшую искренность и ничего больше.

Последовало долгое неловкое молчание, которое в конце концов прервал плеск агента Уолкера.

— Я так понимаю, что новостей накопилось немало, — сказал он. — Давайте мы с Беллом быстро сходим переоденемся, а потом вернёмся сюда и все выложим карты на стол?

— На стол, — повторил Кий, радуясь возможности возобновить привычную работу дворецкого. — Вот именно, сэр. Стол, куда обед подадут... ровно через одиннадцать минут!

12

Что это ещё за торт

*Л*ицо Ласло Интригио было исчерпывающе красноречиво. После жидкого супа из корневого сельдерея, превращённого в пар, деструктурированного огурца с кремом из выпаренного тофу, эмульсии из кунжута и бланшированной полбы, а также крем-супа с проростками сои у него на лбу показалась глубокая морщина, а губы скривились навечно. Что бы ещё ни вышло из кухни мадам Эвтерпы, он бы не стал это есть. Лучше голодать с достоинством, чем уступить всем этим варёным овощам.

Единственное варёное блюдо, на которое он, Ласло Интригио, готов был согласиться, — это рагу из петуха и говядины с дижонской горчицей и хреном!

Эта череда крошечных блюд, раскрывавших всю возможную палитру безвкусной еды, настолько разочаровала Ласло, что ему с трудом удавалось следить за разговорами сотрапезников, даже когда Бина рассказала агентам Уолкеру и Беллу о том, как они узнали, что башенка на самом деле — огромный лифт, и о том, какую роль сыграл этот факт в понимании того, как убийца избавился от тела господина Триппа. Единственная загадка для Ласло была одна — как можно называть поваром мадам Эвтерпу! Словно пытаюсь ещё сильнее испортить ему настроение, Кий вынес последнее блюдо, десерт: полупрозрачный ломтик торта, который, казалось, слегка коснулся горстки какао в своей предыдущей жизни.

— Я не в состоянии... — сказал он. И это была правда.

Маркус воспользовался ситуацией и, в два счёта заглотив свою порцию торта без сливочного масла, яиц, молока и сахара, вцепился зубами в папину.

И пока Ирина за другим концом стола говорила что-то о некоем странном слове, которое буквально выскочило из старой рамы, Маркус испустил приглушённый крик и сплюнул в тарелку.

— Умница, сынок! — тут же похвалил его Ласло, внезапно воспрянув духом. — Чересчур — это чересчур!

— Да что это за... Что такое в этом торте? — про бурчал Маркус, нанизывая что-то на вилку.

— Вот и я себя спрашиваю, сынок! — кивнул Ласло. — Ты в порядке?

Однако проблема его сына касалась не выбора ингредиентов, а постороннего предмета, который оказался в этом ломтике. Маркус очистил его от теста и поднял с тарелки рукой: это была серебряная буква. Буква «А».

— Кто-нибудь понимает, что это значит? — спросил мальчик, оглядывая сидящих за столом.

Те, кто ещё не съел свой торт, принялись усердно резать и измельчать ломтики, лежащие у них на тарелках, но к огромному всеобщему разочарованию — сильнее всех огорчилась Пенни, — никто больше не получил другого такого подарочка.

Гости мистера Ребуса обменялись недоумёнными взглядами, но вопрос Маркуса утонул в тягостном молчании, которое прервал голос Ирины Перныковской.

— Может быть, это связано с газетными буквами, о которых я вам только что говорила? «Б», «О», «Т». Я думала, что речь о законченном слове, «бот», но, может быть... — рассуждала Ирина.

— Если составить их вместе, что получается? — спросила Зельда.

— Абот?

— Бота?

— Хмм...

Не похоже на настоящее слово.

— Секундочку!

— Но ведь...

Белл и Уолкер подскочили на стуле и заговорили одновременно, так что англичанин подал американцу знак продолжать.

— Вы же помните то невероятное событие, о котором я упоминал чуть раньше? Так вот... — и он рассказал об их с Уолкером грязном приключении в пруду усадьбы Бея-Трикасс.

— ...в общем, мы тоже обнаружили нечто вроде подсказки. Одно слово: «СВАН»! — сказал он, завершая рассказ и показывая всем записку, найденную в надувном шаре.

Несомненно, сильнее всех слова Белла впечатлили Имоджен.

— Вот это да. А началось всё с этого нелепого шара, который внезапно выскочил из бассейна... — отозвалась она. — Не будь в этой истории преступления, день был бы почти что классный!

Слова девочки подействовали на Бину, как разряд электрического тока. Госпожа Интригио распахнула глаза.

— Шар, вылетающий из бассейна... Тайный ход, который открывается в сарае... Гравюра, выскакивающая из рамы... Всё это происходит более-менее в одно и то же время, всё это приводит к обнаружению тех или иных подсказок... Знаете что? Я, кажется, только что поняла, почему всё это случилось! — сказала Бина и в заключение подмигнула мужу.

Ласло подскочил.

— *Je suis une enigme!* Пятнашки и этот щелчок в конце... ну конечно!

И господа Интригио, окружённые полными сомнений взглядами, рассказали о художественной головоломке, которую они нашли в кабинете с эркером, и о том, как Бина разгадала её.

— Ну ты крутая, мам! — прокомментировал Маркус.

— Да, отличная работа, госпожа Интригио, — признал агент Уолкер. Но вот мы натаскали отовсюду все эти буквы и слова. И что же нам с ними делать?

— Давайте ещё раз попробуем сложить всё вместе, — предложила Зельда с привычной для себя методичностью. — Сванабот... Асванбот... Ботасван... — твердила она вслух, а затем воскликнула, сияя: — БОТ СВАН А!

Все посмотрели на неё.

— Да, Ботсвана! — ликуя, повторила Пенни. — Это название одной африканской страны!

— Столица? — спросил, посмеиваясь, Маркус: он прекрасно знал, на чём помешана сестра.

— Габороне, — ответила Зельда, ни секунды не колеблясь.

— Ботсвана, вот оно что? Отлично сработано, малыши! — похвалил их Билл Белл. — Но почему, по-вашему, этот безумец Ребус хотел, чтобы мы подумали... о Ботсване?

— Может, это отсылка к какой-то истории из прошлого... Например, к чему-то, что нас связывает? — предположила Ирина.

— Какая-нибудь миссия в Африке, в таком случае? — задумался агент Уолкер. — Я там не бывал с 1997, когда мощнейший приступ дизентерии вынудил меня вернуться в Лондон...

— Что до меня, то я эту Ботсвану даже на глобусе не нашёл бы... — чистосердечно признался Белл.

Этого хватило, чтобы Зельда вскочила на ноги.

— Ну конечно! Глобус! — воскликнула она. — Как же я раньше не подумала? Маркус! Пошли!

Ни слова больше не говоря, двое младших Интригио пудей выскочили из зала.

— Эй... я что-то пропустил? — спросил Белл, тараща глаза.

— Может и так, Белл, — ответил Ласло, резко вставая с места. — И мы сейчас всё пропустим, если не нагоним их в библиотеке!

13

Что сказать о Ботсване

*Д*ожидаясь, пока до библиотеки дойдут все, Зельда вертела большой глобус, пока перед ней не оказался массивный, заострённый силуэт африканского континента. Она погладила пальцем неправильный прямоугольник, расположенный чуть выше Южно-Африканской Республики, которой этот континент заканчивался внизу: это была территория Ботсваны.

— Итак, господа, — взволнованным голосом начала она. — Полагаю, что решение загадки всё ближе. А потому стоит резюмировать ключевые события этого дня. Маркус, тебя не затруднит?

Её брат сложил руки за спиной и придал лицу то же самое выражение, которое видел на знаменитой фотографии своего великого родственника-сыщика, Улисса Интригио. И начал рассказ:

— Мы приезжаем этим утром в одиннадцать, встречаем агента Уолкера, цикады оглушительно трещат...

— Ключевые события, Маркус!

— Ммм, ладно... Господин Трипп появляется сразу же после меня. В состоянии очевидной эйфории. Он без конца твердит, что выиграл розыгрыш, что-то про матрасы. Мы его игнорируем. Чтобы открыть дверь, нам приходится отлепить от водосточной трубы прикреплённого магнитом геккона. На террасе уже находятся Белл и госпожа Перныковская с дочкой Пенни. После чего нас приветствуют дворецкий, господин Кий Смит, и шеф-повар, мадам Эвтерпа.

— Ради всего святого, Маркус... — проворчал Ласло. — Не называй её поваром...

— Нам выдают ключи. Мы берём Комнату с Попугаем. Госпожа Ирина и Пенни — Комнату с Алмазом, она ближе всего к комнате, предназначенной господину Триппу.

— Через несколько минут из комнаты господина Триппа раздаётся леденящий душу вопль. Первой туда успевает как раз госпожа Перныковская: обнаружив,

что дверь приоткрыта, она заходит и видит господина Триппа, лежащего на полу. Он мёртв.

Ласло поднял руку, чтобы вставить что-то, но Бина остановила его, всем своим видом говоря: дай ребятам сказать.

— По правде говоря, госпожа Ирина к телу не подходит: она боится крови, а Трипп лежит в красной луже. Мы успеваем быстро обсудить ситуацию, после чего гонг зовёт нас всех на террасу. По возвращении в Комнату с Кроватью мы обнаруживаем, что тело господина Триппа таинственно исчезло. Двойная загадка мистера Ребуса к нашим услугам!

Зельда кивнула.

— Мы разделяемся, чтобы провести расследование, — продолжила она. — И происходит куча всего: моя мать решает основополагающую головоломку, которую мистер Ребус спрятал в спокойном уголке этого дома; Пенни, мой брат и я находим секретный ход, который начинается от сеного сарая; моя сестра Имоджен натывается на шар, выпрыгивающий из бассейна без какой-либо видимой причины; госпожа Ирина сначала видит, как одна из гравюр выскакивает из рамы, а потом обнаруживает, что башенка виллы Бея-Трикасс — на самом деле большой лифт и комната, где было совершено преступление, — это его кабина. Наконец, агенты

Уолкер и Белл находят загадочную записку на дне усадебного пруда. После всего этого, найдя последний сюрприз в ломтике торта, у нас на руках оказывается серия подсказок, ведущая прямо... сюда! — закончила Зельда, показывая Ботсвану на глобусе.

— Достойный отчёт, дорогие дети, — одобрил агент Уолкер, отошедший в сторону поразмышлять в углу комнаты у окна, задумчиво наблюдая за садом.

— Это так, — подтвердил Ласло. — Но что теперь, когда мы все здесь? Что думаете делать?

Зельда задумалась на долю секунды. Пенни же отошла от маминой юбки и направилась прямо к глобусу.

— Я надавлю на Ботсвану, — сказала она, словно какой-нибудь жестокий монарх, властитель колониальной империи. И сделала это.

Африканское государство вжалось, совсем как кнопка, и просело на три-четыре сантиметра в блестящую деревянную поверхность.

Клик.

Глобус тут же издал серию тонких механических звуков.

Бюст архиепископа Персивальда Ребуса, стоявший на пьедестале неподалёку, слегка завибрировал и выпустил из глаз два луча ледяного голубого оттенка, которые рассекли библиотеку, словно два заостренных копья.

— Архиепископ!

— Ребус!

— Смотрите!

Два светящихся луча от архиепископа сходились на большой книге с красной обложкой, стоявшей на полке в самой середине шкафа. Это было старое, массивное издание «Одиссеи» Гомера.

Указав на неё и помигав добрых четыре секунды, лучи погасли. Бюст перестал вибрировать, а на глобусе Ботсвана вернулась на своё место.

Все, кто был в библиотеке, на время утратили дар речи.

Пока Билл Белл не сказал:

— Круто.

— И правда круто! — эхом отозвалась Имоджен. — Епископ с лазерными лучами — это ещё лучше, чем шар из ниоткуда... — добравшись до книжного шкафа в два прыжка, она схватила «Одиссею».

Пока все, кроме агента Уолкера, толпились вокруг Имоджен, пытаясь рассмотреть фолиант, раздались ещё два звука: клац и плюх!

— Ммм, я, наверное, лучше промолчу, но... — пробормотал Маркус, оборачиваясь.

— На сей раз я тоже слышала! — сказала Зельда.

— Но что это было?

— Да, что случилось?

Все оглядывались по сторонам. В библиотеке вновь воцарились тишина и спокойствие.

На первый взгляд, ничего не произошло. Господа Интригио переглянулись, посмотрели на детей, на госпожу Перныковскую, Пенни, Билла Белла...

— А агент Уолкер? — спросила наконец Бина.

Его нигде не было видно. Казалось, он исчез. За мгновение до того, как Имоджен взяла книгу с полки, он стоял себе там, в углу, сокрушённо уставившись в окно.

— Ммм... — услышали они в этот момент. Отдалённый вой, почти что хрип.

— Уолкер? Это вы? Куда вы теперь забрались? — спросил Ласло.

Маркус быстрее всех перелез через диван и увидел, что с другой стороны, в том самом месте, где незадолго до того находился агент Уолкер, в полу открылся квадратный люк.

— Агент Уолкер, вы там, внизу? — спросил он, сядя на колени рядом с люком, чтобы наклониться над ним.

— Да, я здесь! — ответил англичанин.

— Всё в порядке?

— Да-да. Ничего не сломал... только испугался немного.

Остальные тем временем тоже подошли к люку.

— Что случилось?

— А то случилось, что у меня под ногами открылся пол, и... я упал! Тут, правда, мягко!

— А что там внизу, Уолкер?

— Здесь? Совсем немного, похоже. Маленький светильник и... матрас, на который я упал, конечно же.

— И больше ничего?

— Кажется, нет. Подождите... здесь стоит телевизор. Выключенный. Это и впрямь очень странно.

— Можно ли спуститься?

— Я же только что спустился, разве не так? Тут мягко, я же говорю. Прыгайте.

— Я останусь наверху, — проговорила Бина. — Мало ли что.

— Я тоже, — отозвалась Имоджен. — Пойду-ка нырну в последний раз.

— Ок, Уолкер, мы сейчас! — сказал в свою очередь Ласло. — Пропустите, ребята.

— Вот ещё! — ответил Маркус. — Мы первые, так ведь, Пенни?

Дочь Перныковской не стала тратить время даже на ответ и прыгнула в люк. Потом настал черёд Маркуса и Зельды. А за ними проворно последовали Белл, Ирина и Ласло.

В библиотеке остались только Бина и Имоджен, которые, оставшись одни, заглянули в люк, чтобы послушать, что происходит внизу.

Подземная комната выглядела, мягко говоря, разочаровывающе. Стены по три метра, никаких видимых дверей. Большую часть помещения занимал большой толстый матрас, на который все они приземлились, и выключенный экран телевизора, смотревший на них со стены.

Агенты рассеянно огляделись, не замечая ничего особенного, приподняли матрас, чтобы проверить, нет ли под ним чего, вернули его на место и затем все как один заявили:

— Ничего!

Зельда стала единственным исключением.

— А вот я кое-что вижу, — сказала она, садясь по середине мягкого матраса.

— Ах вот как? Тогда и нам расскажи, где оно спрятано!

— Так ведь в этом-то и всё дело... оно у вас на глазах! — объяснила Зельда. — Задумайтесь: все подсказки

вели к Ботсване. А Ботсвана вела сюда. И что же мы здесь видим?

— Кровать и выключенный телевизор? — ответил агент Уолкер.

— Это не кровать, господин Уолкер. А большой, огромный матрас... Кто это у нас вечно говорил о матрасах?

— Трипп! — в один голос воскликнули все остальные.

— Вот именно! — подтвердила Зельда. — По-вашему, это совпадение, что все подсказки, разбросанные мистером Ребусом, привели нас именно сюда? Я вот так совсем не думаю.

— Верно, девочка, — кивнул Билл. — Слезай же с него, сейчас я его раскромсаю! — добавил он, доставая свой верный швейцарский ножик и наставляя лезвие на матрас.

— Вот уж самая что ни на есть типичная американская поспешность, — усмехнулся Уолкер. — Но я в кои-то веки с вами согласен: если ответ внутри этого матраса, мы должны извлечь его...

— НЕТ! — крикнул Маркус так, что все подпрыгнули от удивления.

— Может, у тебя есть идея получше, паренёк?

— Нет, нет, нет... — как одержимый твердил Маркус, выпучив глаза. — Я не с вами разговаривал. В любом

случае, раздирать матрас незачем... Ответ здесь, — закончил он, показывая на маленькую этикетку из синей материи, пришитую в углу.

— Я её тоже видела, — поспешила сказать Ирина. — Но это всего лишь марка производителя матраса.

Ласло наклонился проверить.

— «Ниманд», — прочёл он.

— Та же самая марка, о которой без конца трещал несчастный Трипп, если я правильно помню. Ну и что же?

— Ну и то... Никто из вас случайно не говорит по-немецки?

— Да, но...

— Ты хочешь сказать, что...

— Что означает «Niemand» по-немецки, господа? — настаивал Маркус, улыбаясь и сам себе не веря.

— Никто... — ответила Ирина, тараща глаза.

Зельда вскочила, подпрыгнув на матрасе.

— Вот, значит, кто убийца господина Триппа: никто!

В подземной комнате вспыхнул свет и раздалось слабое шипение: на стене включился телевизор, и в центре экрана появилось круглое розоватое лицо господина Триппа.

— Молодцы, поздравляю! — воскликнул он. — Вы справились! Фантастика, я очень рад! И... ну, это сообщение, конечно же, записано заранее, так что на самом

деле я не знаю, кто из вас разгадал тайну моего... ухода, но... что сказать? Я и правда рад. Итак, представляюсь: меня зовут Марвин Саймон, и я профессиональный актёр. Обычно я играю в небольших театральных постановках в Йонкерсе и окрестностях...

— Йонкерс! — воскликнул Билл. — Вот что за акцент у него был!

— ...но когда мне предложили эту роль, я не смог отказаться. И вот... вот он я. Господин Трипп, который должен был выступить эдаким олухом, а потом сделать вид, что умер, и дать стрекача через несколько минут. Что я могу добавить? Это было весело: загадочно, необычно, увлекательно... Два билета первым классом: я наслаждался путешествием, словно знаменитый актёр. Не знаю, кто решил затеять всю эту большую потеху, но... как говорят в таких случаях, снимаю шляпу. Постановка сказочная, сценарий шикарный. Так что мне остаётся только представлять себе ваши лица сейчас, пока вы смотрите это моё прощальное обращение. Вот как заканчивается эта история, господа: Трипп прекрасно себя чувствует, ничего не знает о матрасах и никем не был заколот. А теперь мне остаётся лишь зачитать вам последнюю фразу, которую попросил меня зачитать мой загадочный заказчик: «После этого сообщения перед вами откроется дверь. Будьте любезны, узнайте,

куда она ведёт, господа, потому что сейчас и вправду настал момент прощаться... Адьё!» Запись подошла к концу, и, как и обещал сыгравший Триппа актёр, прямо под телевизором открылась замаскированная раздвижная дверь, за которой виднелся короткий коридор, освещённый неоновыми фонарями.

— Вы, девочки, что будете делать? — спросил Ласло, задирая нос кверху и обращаясь к Бине и Имоджен, всё ещё сидевших над люком в библиотеке. — Спуститесь?

— Я да, — ответила ему жена. — А Имми пойдёт праздновать раскрытие тайны в бассейне!

14

Прощание

Все гости мистера Ребуса, за исключением плескавшейся в воде Имоджен Интригио, собрались у входа в таинственный коридор. Во взгляде каждого можно было угадать вопрос: что ещё должно произойти теперь, когда дело уже раскрыто? Поэтому они переступили порог небольшой двери с некоторым любопытством и капелькой возбуждения.

Агент Уолкер шёл впереди всех, за ним по пятам следовали трое детей, которые чувствовали себя истинными героями этой таинственной истории. Белл, Перныковская и чета Интригио завершали процессию. Они оказались в полуподвальном помещении — вероятно, где-то около старого сарая. Тем не менее это был очень изящный зал с мраморным шахматным полом

и дорогими дамасскими обоями горчично-жёлтого цвета. Прямо посреди комнаты, на базальтовом пьедестале стоял... гроб!

— О Господи.

— Какое жуткое зрелище.

Гроб окружали свежие благоухающие цветы. Ещё там стояли два пюпитра, один — с журналом для подписей, а на втором стояла серебристая дощечка с надписью:

МИСТЕР РЕБУС

1971 — 2019

— Но что же это значит?

— Не знаю, но мне не по себе, — проворчал Билл Белл.

— Но, может быть, всё логично, — сказала Бина. — Вы же слышали только что сообщение того актёра: он говорил о прощании, не так ли?

— В общем... — сказала Ирина, прижимая к себе дочь и показывая рукой на гроб, — вы хотите сказать, что мистер Ребус... покинул нас?

— По всему похоже, что да.

— А значит, это его... похороны?

— Круто, умел же этот Ребус обставить всё красиво, — заметил Маркус.

Зельда тоже сочла, что да, конечно, идея, пожалуй, немного зловещая, но в то же время эффектная. Она осмотрелась и увидела, что лица у всех и правда уже были совсем как на похоронах. Но когда она уже было решила, что и ей стоит поступить так же...

ХЛОП!

Крышка гроба внезапно распахнулась, и...

ПАМ!

Миниатюрная пушка для конфетти открыла огонь, заполнив комнату мерцающим разноцветным облаком. Из гроба внезапно вырвалась длинная пружина с рукой из красного бархата на конце; между указательным и большим пальцем была зажата записка.

Дорогие друзья,

для всех настает время уйти со сцены, и я хотел отметить это событие последней загадкой.

Спасибо, что приняли участие в моём прощальном празднике, и... с днём рождения!

Мистер Ребус

— Ну и ну! — воскликнул Ласло Интригио, стряхивая с пиджака конфетти. — Надо было раньше догадаться! Очевидно, что он знал про мой день рождения!

— Ваш день рождения, Ласло? — удивлённо спросила Ирина Перныковская. — Сегодня мой день рождения.

— Как, и у вас тоже сегодня? — спросил Белл, стоя по ту сторону гроба.

И тут агент Уолкер впервые засмеялся себе под нос. Сначала тихо-тихо, потом всё громче, а затем ещё и заплодировал.

— Отдадим должное мистеру Ребусу, господа... — он смеялся так, что глаза слезились. — Вот она, та самая загадочная вещь, которая роднит всех нас!

Пока лучшие в мире специалисты, стоя под землёй на глубине трёх-четырёх метров, аплодировали и смеялись у пустого гроба, полного конфетти, Имоджен, загоравшая лёжа у бассейна, увидела, как от ворот к дому едет изящный винтажный кабриолет серебристого цвета, словно из фильма Альфреда Хичкока. За рулём сидела пожилая дама в длинном тонком шарфе из жёлтого шёлка и пошитом на заказ платье того же цвета. Женщина припарковалась на гальке рядом с другими машинами и, не покидая своего места, легонько нажала на гудок. Из особняка вышли сначала дворецкий Кий,

а затем мадам Эвтерпа, они быстро погрузили в машину чемоданы и сели туда сами.

Имоджен встала и побежала к кабриолету. Сняв наушники, она улыбнулась столь необычному водителю... С таким странно знакомым лицом.

Дама за рулём ответила такой же улыбкой.

— Юная Имоджен, я полагаю, — сказала она, когда девочка подошла достаточно близко. — Рада встрече. Всё хорошо?

Девочка хотела что-нибудь сказать, но сумела лишь кивнуть с задумчивым видом. Лицо этой женщины словно околдовало её. Где же она её уже видела?

— Не могла бы ты оказать мне услугу и поздравить от меня своего отца? — сказала дама в жёлтом.

— Конечно, с удовольствием... — ответила Имоджен. И тут у неё в голове словно молния сверкнула.

— Тётя... Тётя Эдна? — пробормотала она, вытаращив глаза.

— Или мистер Ребус, если тебе так больше нравится, — ответила та, подмигивая.

Имоджен ловила ртом воздух.

— Ты хочешь... ты хочешь сказать... что ты... — лепетала она, указывая на дом.

— Очень полезное альтер эго, да и презабавное к тому же, оно со мной много лет. Но в том-то и дело,

эти проклятые годы тем плохи, что так быстро бегут, моя дорогая! И к тому же, знаешь, иметь две личности в самом деле очень хлопотно, особенно когда речь о таком изысканном типе, как мистер Ребус... Настало время опустить занавес, но я счастлива, что последний спектакль получился таким... увлекательным! — сказала она, бросая игривый взгляд на виллу Беля-Трикасс.

Дама чмокнула одну из своих аристократических водительских перчаток и нежным дуновением отправила этот поцелуй в сторону Имоджен. Затем, надев солнечные очки, она удостоверилась, что дворецкий и шеф-повар пристегнули ремни, и приготовилась включить первую передачу.

— Ах, да... Ещё одно напоследок, милая Имоджен... — добавила она. — Я дала Тибо кое-какие краткие инструкции по поводу кухни... Мне кажется, Ласло набрал несколько лишних кило!

Последние слова дамы растворились в улыбке, мотор заревел, и кабриолет, дав задний ход, развернулся и покинул виллу с тем же изяществом, с которым появился.

Только Имоджен увидела, как на горизонте исчезает последнее облако пыли, поднятой автомобилем, как раздались крики Маркуса и его сестры Зельды.

— Имми! Имми! — звали они.

Нетрудно было понять, что их переполняют эмоции.

— Ты и представить себе не можешь, что случилось!

— В самом деле... это невероятно!

— Вот оно что? — сказала Имоджен, надевая наушники с ещё более непроницаемой, чем обычно, ухмылкой.

— Короче, мистер Ребус устроил... свои собственные похороны!

— Там и гроб был, всё как полагается...

— Но он стоял пустой! И была хлопушка с конфетти...

— И он не умер, а... просто ушёл на пенсию, или что-то вроде того.

— Но перед этим он решил бросить папе последний вызов!

— И остальным приглашённым!

— Потому что оказалось, что у них день рождения в...

Остальные слова Зельды и Маркуса утонули в музыке. Имоджен спокойно дошла до своего шезлонга, переставила его, чтобы поймать солнце раннего вечера, и растянулась сверху с прекрасной довольной улыбкой.

15

Что ещё так и не произошло

Приимерно сорок восемь часов спустя семейство Интригио, вернувшись в свой амстердамский дом, вновь погрузилась в спокойную повседневную рутину.

Дворецкий Тибо тоже был занят своими привычными делами по уходу за домом, и в тот вечер он решил посвятить своё время протирке пыли со статуэток. Его метёлка как раз коснулась старинного компаса адмирала Меркуцио Интригсона, который красовался на полке в прихожей, когда у него за спиной раздался исключительно знакомый звук.

Плюх!

В одну из щелей в двери дома Интригио только что просунули конверт. Тибо подскочил: ему на ум тотчас пришёл тот момент, когда он обнаружил конверт от мистера Ребуса. Воспоминания о сокрушительном поражении, которое он потерпел в попытке расшифровать то послание, всё ещё задевали его за живое.

Насупившись, дворецкий подошёл к двери и открыл жёлтый почтовый ящик. Его лицо тут же приняло расслабленное выражение: на сей раз там был всего лишь старый добрый жёлтый конверт. Тибо взял его, положил в карман и направился в гостиную, зная, что найдёт там госпожу Интригио, погружённую в чтение объёмистого научного труда.

Однако в середине коридора он наткнулся на Ласло: тот только что вышел из своего кабинета.

— Господин...

— Зови как хочешь, Тибо, толку-то! — сердито ответил господин Интригио. — Не думай, что я могу простить тебе этот омерзительный крем-суп из корневого сельдерея!

— Но господин, я же не мог нарушить слово, данное госпоже Эдне... Я приготовил блюдо из «Большого сборника рецептов мадам Эвтерпы», который ваша тётя любезно преподнесла мне в дар. Полагаю, она беспокоится о вашей фигуре, господин...

— Это неприемлемо! — прошипел Ласло. — Вот пойду сейчас и напишу тётё письмо, преисполненное бурного протеста!

— Ммм... боюсь, вас опередили, — сказал Тибо, передавая жёлтый конверт.

— Хм, — фыркнул Ласло. — По крайней мере что-то меня отвлечёт!

И господин Интригио, не теряя ни секунды, собрал семью в комнате тринадцати маятников, где хранились семейные портреты и Реликвии. Как только все собрались, Ласло вручил Маркусу жёлтый конверт, и мальчик, трепеща, открыл его.

— Ух ты! Ботсвана! — воскликнула Зельда, читая письмо из-за спины у брата.

— Но как... — сказала Бина с недоумённым взглядом.

— Совпадение? — отозвался Ласло. — Не думаю... Впрочем, знаете что? Я всегда подозревал, что тётя Эдна и мистер Ребус знакомы.

— Ага, точно... почему бы и нет? — предположила Имоджен, хихикая. И что-то в этом смехе показалось Ласло странным.

Господин Интригио посмотрел было на девочку вопросительно. Но потом сказал себе: разве в Имми есть что-нибудь не странное? И, дав себе отрицательный ответ, взялся за чтение письма тётё Эдны, которое

передал ему Маркус. Его губы тут же растянулись в лучезарной улыбке.

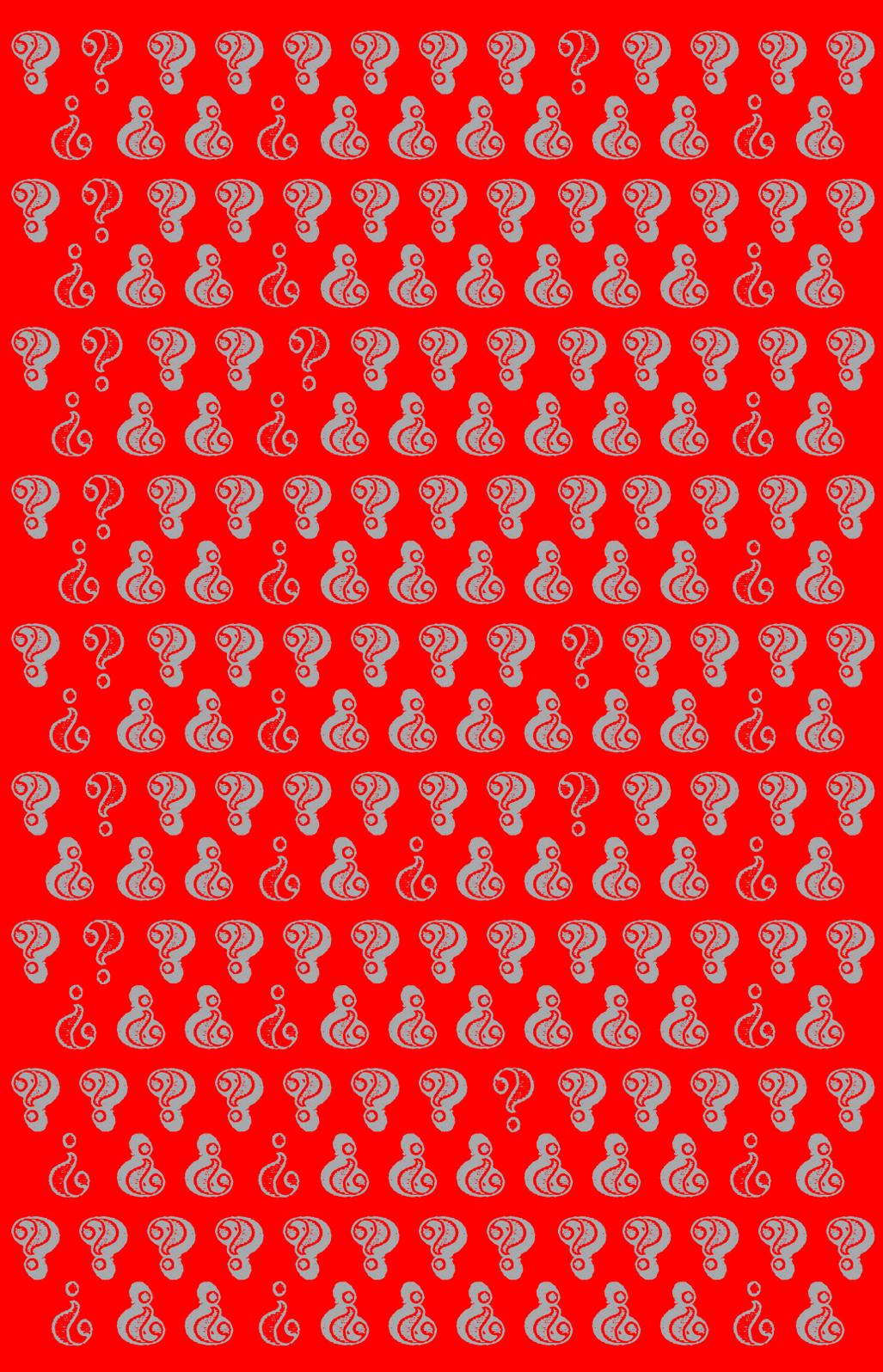
— Вот оно что! Мы едем в Габороне, к господам Моокетси — это старые друзья семьи Интригио... Один мутный торговец алмазами пытается подставить их.

— Ого, какой у тебя воодушевлённый вид, — заметила Зельда. — Не знала, что торговля алмазами так тебя интересует!

Ласло засмеялся.

— И в самом деле, чихать я хотел на алмазы, воробушек... Но господа Моокетси готовят такую тушёную козлятину с богобэ — за уши не оттащишь!

оглавление

Имбирь?.....	9
Как напевают моржи?.....	21
Нам точно сюда?.....	39
Зачем мы здесь?.....	58
Что случилось с господином Триппом?.....	68
Кто подозревает подозреваемых?.....	79
А что если сгайна тущается?.....	88
А куда ведёт эта дверь?.....	96
Гнильё или тайна?	103
Что таится в темноте?.....	109
А если это всё-таки был дворецкий?.....	125
Что это ещё за торт?.....	132
Что сказать о Ботсване?.....	139
Прощание?.....	153
Что ещё так и не произошло?.....	161

Что такое

ПЬЕРДОМЕНИКО БАККАЛАРИО

и АЛЕССАНДРО ГАТТИ

Пьердоменико Баккаларио родился в городе Акви-Терме в 1974 году и сегодня известен как детский писатель, хотя ничто в его жизни не предвещало такого поворота судьбы. Его детство пришлось на разгар Холодной войны, и молодые годы он провёл на секретной службе, готовясь отправиться за Железный занавес разведчиком. В 1989 году падение Берлинской стены и окончание Холодной войны застали его врасплох, и он был вынужден поменять планы. В эти бурные годы Баккаларио познакомился с Алессандро Гатти 1975 из города Асти. Гатти называл себя репортёром-следователем. В те месяцы Гатти попал в поле зрения прессы из-за своего революционного тезиса: он утверждал, что Камчатка не существует в реальности, а является лишь выдумкой создателей легендарной настольной игры «Risiko» (по-русски известна как «Риск»). С энтузиазмом приняв сторону Гатти, Баккаларио присоединился к экспедиции, затеянной новым другом, чтобы вывести бессовестных мошенников на чистую воду. Добравшись до Камчатки, борцы за истину не успели осознать своё заблуждение, как оказались за решёткой. Эти события легли в основу противоречивой книги-репортажа «Одна берёзка не считается», ставшей первым плодом долгого литературного сотрудничества, продолжающегося и по сей день.

Кто такой

Томмазо Ронда

О жизни человека по имени Томмазо Ронда известно немного. По-видимости, в детстве он хотел стать волшебником и получил это звание на курсе заочного обучения. Поговаривали, что он был неплох, но умел совершать трюки лишь с предметами, размеры которых не превышали размеров конверта. «Сломать карандаш банкнотой» и «Нарезать банан, не трогая кожуру» были его любимыми номерами.

А вот восстановить события его жизни между детством и возрастом сорок лет несколько... затруднительно.

Чем он только ни занимался: и выступал на сцене, и учился играть на губной гармошке (также заочно), а ещё сохранились свидетельства о его появлении на трамплинах в костюме новогодней ёлки, о работе живой статуей, жонглёром, клоуном. Несколько очевидцев рассказывают, что видели его в роли факира.

В настоящее время он женат, у него есть двухлетний сын, и сам Томмазо Ронда так говорит о своей жизни: «В конце концов я делаю сейчас именно то, о чём и мечтал в детстве. Рисунок — это сильная магия, которая не ограничивается тем, чтобы выпустить из шляпы кролика или голубя. Она выпускает на волю миллион кроликов и целый мир голубей».

Какие ещё загадки предстоит раскрыть семейству ИНТРИГИО?

.....

СИНИЙ. САПФИРОВАЯ ЗАГАДКА

Добро пожаловать в уютный особняк семейства Интригио! Тихим воскресным утром в их почтовый ящик падает необычный жёлтый конверт, и шпионская семейка отправляется в Париж на поиски исчезнувшего бесценного сапфира. Маскировка, загадочные реликвии и уникальные суперспособности Интригио помогут им раскрыть тайный заговор.

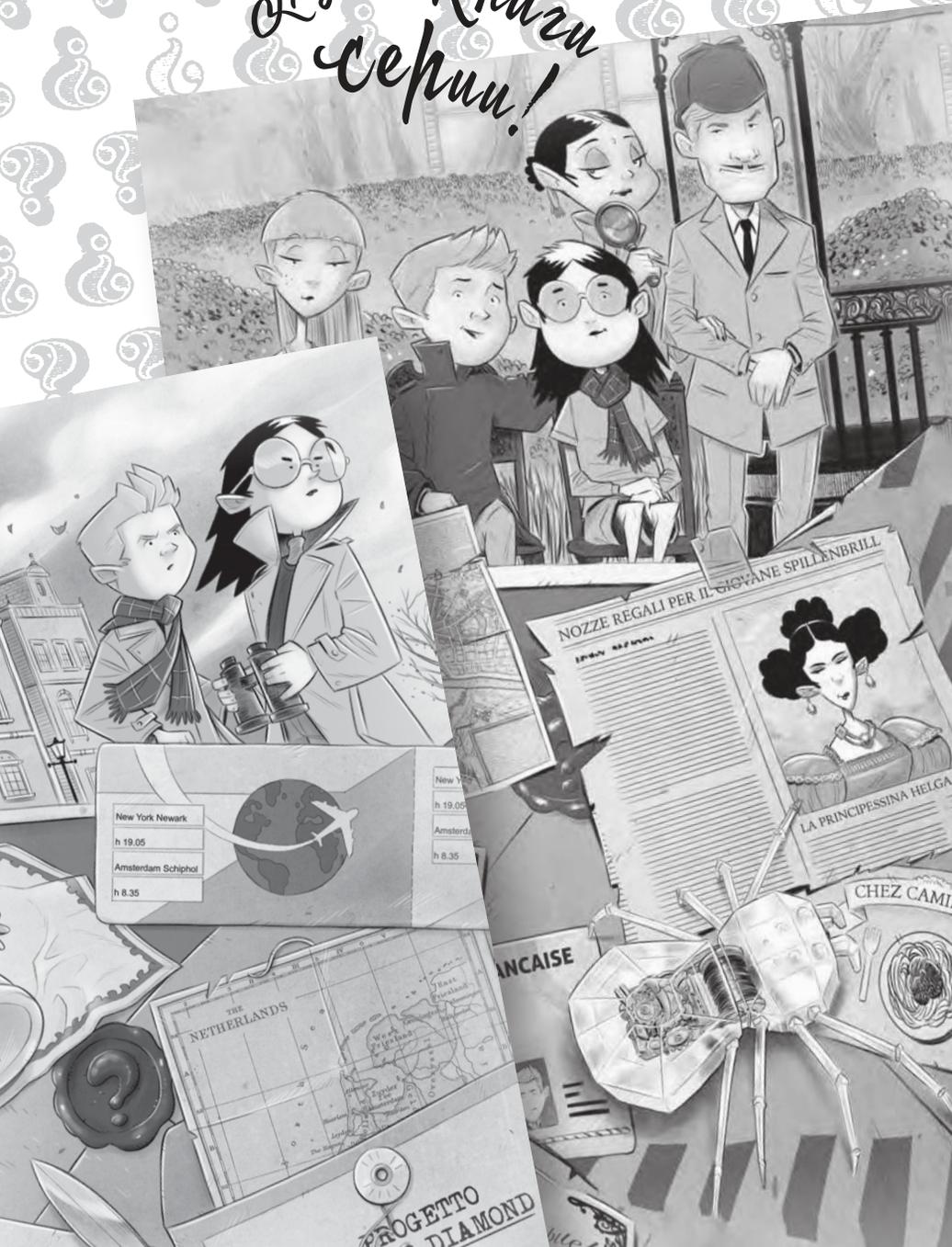

ЧЁРНЫЙ. НЕФТЯНАЯ АФЕРА

На сей раз семейству супершпионов Интригио предстоит спасти целую планету! Профессор Гриффитс хочет рассказать об опасных последствиях нефтяного проекта для окружающей среды, а коварные нефтяники готовы на всё ради своей аферы. Профессору грозит похищение, а семью Интригио ждут новые опасные приключения.

Не пропустите другие книги серии!

New York Newark	h 19.05
Amsterdam Schiphol	h 8.35

УДК 821.131.1-93
ББК 84(4Ита)-44
Г23

Пьердоменико, Б., Гатти, А.

- Г23 Красный. Таинственный конверт / А. Гатти, П. Баккаларио ; илл. Т. Ронда ; пер. с ит. Л. Каца. — М. : Издательство АСТ, 2021. — 176 с. : илл. — (Шпионская семейка).
ISBN 978-5-17-133934-0.

Добро пожаловать в уютный особняк семейства Интригио!
Здесь, правда, есть секрет, но этот секрет — ложь.

Имоджен Интригио унаследовала настоящий талант в математике от своей матери и тягу к искусству от отца. Она подвижная и обожает спорт, невероятно умна даже в том, что её не интересует. Но вот незадача: у неё совершенно нет чувства ритма, слуха и голоса. А кем она хочет быть, когда вырастет? Поп-звездой!

Захватывающий детектив от автора популярного цикла «Коты-детективы» Алессандро Гатти и создателя мирового бестселлера «Секретные дневники Улисса Мура» Пьердоменико Баккаларио.

Для среднего школьного возраста.

© Кац Л., перевод, 2021
© Издательство АСТ, 2021

АСТ

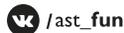
Серия «Шпионская семейка»
Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа
Для среднего школьного возраста

Иллюстрации Томмазо Ронда

Заведующая редакцией Т. Мантула
Руководитель направления Т. Долматова
Литературный редактор О. Матросова. Ответственный редактор А. Оганян
Художественный редактор Н. Вдовина. Технический редактор Е. Кудирова
Вёрстка А. Анциферова. Корректор А. Ковалёва

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные. Книжная продукция — ТР ТС 007/2011
Подписано в печать __.__.2020. Формат 60х90/16. Дата изготовления: январь, 2021
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Warnock Pro
Усл. печ. л. 11. Тираж 3000 экз. Заказ №
Произведено в Российской Федерации
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ», Российская Федерация, 129085,
г. Москва, Звёздный бульвар, д. 21, стр. 1, комн. 705, пом. I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru
Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!

Адрес места осуществления деятельности:
Российская Федерация, 123317, Москва, Пресненская набережная,
д.6, стр.2, Деловой комплекс «Империya», 14-й, 15-й этаж

«АСТ баспасы» ЖШҚ, 129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар,
д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: malysh@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан и представитель по приёму претензий в Республике
Казахстан — ТОО РАДЦ Алматы, г. Алматы, Қазақстан Республикасына импорттаушы және
Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РАДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8 (727) 2 51 59 90, 91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2021
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификаттау қарастырылған

Отпечатано в ОАО «Ульяновский Дом печати», 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.
E-mail: prhouse@mv.ru Факс: 8 (8422) 41-11-32

